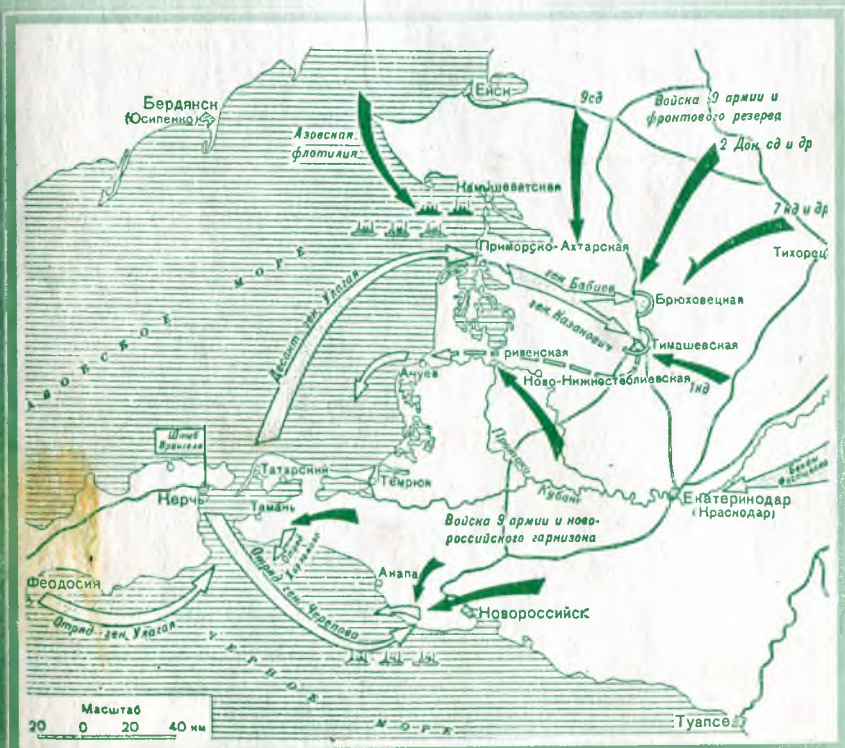


БЕЛЫЙ ДЕСАНТ НА КУБАНИ

август 1920



БЕЛЫЙ ДЕСАНТ НА КУБАНИ

август 1920

Сборник

Сан-Франциско — Краснодар, 2000

Сканировал и создал книгу - vtaKhaHkov

УДК 947.084.3
ББК 63.3(2)612
Б 43

Вступление, составление и редактирование
Дмитрия Степанченко

*Сборник издан за счет средств его составителя
Д. И. Степанченко в связи с 80-летним юбилеем высадки
Белого десанта на Кубани, который исполняется
в августе 2000 года.*

Б 43 **Белый десант на Кубани. Август 1920 / Сост. Д. И. Степанченко.** – Краснодар: «Сов. Кубань», 2000. – 64 с., илл.

ББК 63.3(2)612
УДК 947.084.3

Подобный тематический сборник впервые публикуется в России. Он целиком посвящен так называемому «улагаевскому» десанту, который в августе 1920 года был высажен из Крыма на Кубань с целью расширить плацдарм Русской армии на Юге страны, когда еще шла Гражданская война. Наряду с уникальной рукописью юного пулеметчика М. А. Россинского в книгу включены дневники и воспоминания других участников жарких боев на Кубани в то памятное лето. Примечательно, что большинство материалов сборника, хотя и публиковалось в эмигрантских изданиях, но очень маленьким тиражом, потому ныне малодоступно.

Сборник рассчитан на отечественных и зарубежных специалистов, которые занимаются историей Гражданской войны в России.

ISBN 5-7221-0344-6

© Д. И. Степанченко, вступительная статья, составление. 2000 г.

Как создавался сборник

Замысел книги «Белый десант на Кубани, август 1920» возник неожиданно, во время работы в архиве Белой российской эмиграции при Музее русской культуры в американском городе Сан-Франциско штата Калифорния. Автору этих строк случайно попал в руки хранящийся здесь фонд сотника Кубанского казачьего войска Бориса Михайловича Дули (1892—1942). С волнением я начал листать различные бумаги, документы, свидетельства об образовании, просматривать фотографии этого уроженца Екатеринодара, завершившего свой жизненный путь на Западном побережье США в возрасте лишь пятидесяти лет. Среди всех документов оказались листки бледно-фиолетового цвета из малоформатного блокнота. На них сотник Б. М. Дуля вел химическим карандашом дневниковые записи, будучи в августе 1920 года участником Белого десанта на Кубани.

Записи велись в ходе боев. Они были отрывочны, малоразборчивы, но с помощью увеличительного стекла их удалось прочитать и законспектировать. Я тут же написал статью под заголовком «Дневник участника улагаевского десанта». Отнес ее в газету «Русская жизнь», которая выходит в г. Сан-Франциско с 1921 года. К счастью, материал не залежался. Он был одобрен одним из редакторов и напечатан 18 сентября 1999 года. Один номер газеты со статьей о сотнике Б. М. Дуле был послан отсюда даже в г. Краснодар.

После этой публикации мне стали звонить читатели газеты старших поколений, говоря, что по теме десанта белых войск под командованием генерала С. Г. Улагая, черкеса по происхождению, в свое время были напечатаны статьи и воспоминания. Но все они рассеяны по страницам эмигрантских книг и периодических изданий. Я начал собирать их по сан-францисским русским библиотекам и частным собраниям, постепенно накапливая разнообразный материал по «улагаевскому» десанту.

Но самое главное меня ожидало впереди. В один прекрасный день по американской почте на мой сан-францисский ад-

рес пришел плотный пакет. В нем оказался дневник еще одного участника Белого десанта на Кубани в августе 1920 года — Михаила Аркадьевича Россинского, рядового пулеметной команды 2-го батальона Алексеевского полка тогдашней Русской армии под общим командованием генерала П. Врангеля.

Это была рукопись, оформленная в самодельную книгу. Она была сделана в единственном экземпляре с цветными иллюстрациями автора. На ней М. А. Россинский написал: «Дорогимъ родителямъ посвящаю свои записки. 5 марта 1922 года». В таком виде дневник пролежал до наших дней. Бескорыстно послал мне этот ценнейший человеческий документ доброй души человек — Алексей Дмитриевич Шиленок, сын кубанского казака, но уроженец Югославии, живущий много лет в американском городе Бенсалеме штата Пенсильвания. Эта рукопись дневника участника кровопролитных боев на Кубани стала ядром данного сборника.

Хочу особо подчеркнуть, что дневник М. А. Россинского — лучшее, что мне довелось вообще читать из мемуарной литературы о Гражданской войне в России. М. А. Россинский писал свои строчки в ходе ожесточенных боев с красными, ежеминутно ожидая ранения или смерти. Потому его повествование непосредственно с линии огня является искренним по изложению и трогательным по содержанию. Если это не так, то читатели или историки, знатоки мемуарной литературы о Гражданской войне могут мне возразить.

Вместе с тем все материалы сборника впервые публикуются в России. И они посвящены лишь одному месяцу Гражданской войны на Кубани — августу 1920 года.

Работая над сборником, его составитель и редактор стремился лишь к одной цели — пополнить летопись трагической российской междоусобицы 1918—1920 годов на Юге страны животрепещущими документами времени, теперь уже такого далекого, в связи с 80-летием Белого десанта на Кубани. А юбилей этот приходится на август 2000 года. Надеюсь, что этот сборник будет полезным российским и зарубежным читателям, интересующимся периодом Гражданской войны в истории нашей страны, любимой нами России.

*7 мая 2000 года.
г. Сан-Франциско,
штат Калифорния, США.*

Дмитрий СТЕПАНЧЕНКО,
уроженец кубанской станицы
Динской, журналист.

НА КУБАНЬ

Из книги «Воспоминания» ген. барона П. Н. Врангеля

Подготовка к намеченной мной операции на Кубани закончилась. 29 июля должна была начаться погрузка войск одновременно в Феодосии и Керчи. 1 августа на рассвете десант должен был высадиться в районе станицы Приморско-Ахтарской и, заслонившись с севера, быстро двигаться в направлении на станцию Тимашевская — Екатеринодар, присоединяя по пути повстанцев и поднимая в станицах казаков.

В состав десантного отряда входили: 1-я кубанская дивизия (конная) генерала Бабиева — около 1000 шашек, 35 пулеметов, 6 орудий; 2-я кубанская дивизия (пешая) генерала Шифнер-Маркевича — 900 штыков, 100 шашек, 48 пулеметов, 8 орудий; Сводная пехотная дивизия генерала Казановича (1-й Кубанский стрелковый полк, Алексеевский пехотный полк с Алексеевским артиллерийским дивизионом, Константиновское и Кубанское военные училища), силой около 2500 штыков, 50 пулеметов, 12 орудий — итого около 4,5 тысячи штыков и шашек, 130 пулеметов, 12 орудий, несколько броневиков и 8 аэропланов. Отдельный отряд генерала Черепова в составе Корниловского военного училища и Черкесского дивизиона — всего около 500 штыков с двумя горными орудиями, был предназначен начальником десанта, именовавшегося группой особого назначения, к высадке у Анапы в целях демонстрации совместно с действовавшими в этом районе повстанцами.

По данным нашей разведки, повстанческие отряды действовали:

а) отряд полковника Скакуна, численность которого определялась разном — от 400 до 1500 человек, в плавнях района Ачуева;

б) отряд генерала Фостикова в Баталпашинском отделе в районе станиц Удобная — Передовая — Сторожевая — Кардоникская; отряд этот исчислялся в несколько тысяч казаков и действовал под командой решительного начальника весьма успешно. К сожалению, все попытки установить с генералом Фостиковым непосредственную связь были безуспешны;

в) отряд полковника Менякова — в районе станиц Суворовская — Бекетовская — Боргустанская;

г) наконец, вернувшийся недавно партизан полковник Лебедев, работавший некоторое время в районе Анапы, донес о весьма удачных действиях повстанцев (зеленых) вдоль линии железной дороги Екатеринодар — Новороссийск.

По донесениям наших разведчиков, казаки всюду враждебно относились к советской власти.

Сведения о противнике сводились к следующему: в районе Новороссийска — Таманского полуострова — 22-я советская дивизия; на Тамани — бригада этой дивизии с кавалерийским полком; в районе станиц Крымская — Гостагаевская — бригада 9-й советской дивизии; остальные части этой дивизии перебрасывались по железной дороге на север в район Ростова, видимо для борьбы с действовавшим на Дону партизаном полковником Назаровым. К северу от Таманского полуострова до самого Ейска побережье наблюдалось лишь слабыми частями 1-й кавказской кавалерийской дивизии (дикой), штаб которой располагался в станице Брюховецкой. Принимая во внимание крупные отряды повстанцев, численность наших войск лишь немногим уступала противнику.

Означенные сведения давали основания рассчитывать, что при условии соблюдения должной скрытности и быстроты высадки удастся произвести почти беспрепятственно. В дальнейшем, двигаясь по родным местам среди сочувствующего населения и присоединяя к себе многочисленные повстанческие отряды, войскам удастся захватить самое сердце Кубани — Екатеринодар и прежде, нежели красное командование успеет собрать значительные силы, очистить от красных северную часть Кубанской области.

По занятии Кубани, как указано было выше, я намечал, оттянув войска к Перекопу, перебросить на Тамань весь Донской корпус и, обеспечив прочную базу на Кубани, приступить к очищению Донской области.

Во главе десантного отряда был поставлен генерал Улагай. Заменить его было некем. Пользуясь широким обаянием среди казаков, генерал Улагай один мог с успехом «объявить сполох», поднять казачество и повести его за собой. За ним должны были, казалось, пойти все. Отличный кавалерийский начальник, разбирающийся в обстановке, смелый и решительный, он во главе казачьей конницы мог творить чудеса. Я знал его отрицательные свойства, — отсутствие способности к организации, свойство легко переходить от большого подъема духа к унынию.

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ СОТНИКА КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА Б. М. ДУЛИ

В середине июля 1920 года, будучи в Крыму, Б. М. Дуля записывает в своем блокноте: «...сказал мне, что скоро боевые действия перенесутся на Кубань. Будто бы Улагай назначен походным атаманом и командующим всеми кубанскими войсками (вообще всеми силами, которые будут организованы на Кубани), а для начала действий будем служить мы. Поживем — увидим!»

Пока шла подготовка к десанту, Б. М. Дуля не затрагивал эту тему в дневнике. Но потом появляется следующая запись:

«Наконец, 29 июля 1920 года я с удовольствием прибыл в Феодосию. Сегодня полк уже погрузился на баржи и ждет отправки. Я еду с полком».

Далее следует целиком текст записей Б. М. Дули в дневнике: «Тридцатого июля в 10 часов утра наша эскадра снялась с якоря из Феодосии и вышла в море. Баржу сначала тащил вооруженный катер «Никола Пешич». Потом его самого взял на буксир транспорт «Екатеринодар». К вечеру 30-го подошли к Керченскому проливу. Самый пролив проходили уже ночью.

Товарищеские прожекторы из нескольких мест ошупывали горизонт, но мы шли на таком расстоянии от берега, что луч прожектора проходил сверху нас.

Весь день 31 июля шли Азовским морем и вечером стали на якорь на широте Ейска. Ночью тронулись к месту высадки. На рассвете 1 августа мы подошли к ней, но высадку начали только поздно утром. Артиллерии и противника не было, и высадке нашего десанта они мешали слабо. Первым высаживался Корниловский полк, за ним — мы. Высадившись, мы заняли станицу Бородинскую. Сама высадка проходила верстах в десяти севернее Ахтарей. К вечеру 1-го мы продвинулись еще вперед и заняли разъезд, где взорвали железную дорогу. Наша сотня была в охранении.

Сегодня с утра, 2 августа, вблизи разъезда начался бой. К противнику подошла бригада. С нашей стороны здесь сгруппировались наш полк, Корниловский, 1-й Линейный и батальон одного из Алексеевских полков. Сейчас идет перестрелка. Часа в три дня было предпринято небольшое наступление. Мне в нем не пришлось участвовать, так как в спешке был ранен в правую руку, и я выбыл из строя. В этом бою нашим полком было взято три пулемета, а Корниловским — 4 пулемета. Так этим и закончился день 2 августа.

Третий день прошел в перестрелке, но заметно было, что к противнику подтягиваются новые силы.

К утру 4 августа выгрузка живой силы, видно, закончилась. Закончилось также и наше сосредоточение. Мы стали наступать на Ольгинскую, Ново-Джерелиевскую и Роговскую. Занятие всех этих станиц закончилось полным поражением неприятельской кавалерии. Под Ольгинской были взяты два трактора с тяжелыми пушками и огромнейших размеров броневомобиль с 5 пулеметами. Вся прислуга тракторов и броневика лежала — тут же перебита.

К вечеру вся конница неприятельская была рассеяна по полю, и в темноте натыкались всадники на наш обоз. Например, уже в темноте к нашему обозу подъехало орудие, которое тут же было взято. Потом какой-то эскадрон налетел на нас в темноте и, будучи обстрелян нами, оставил два пулемета. Уже совсем ночью мы вошли в Роговскую.

5 августа бой у станицы Брюховецкой с отдельной советской — Уральской бригадой. Она состояла из трех полков. Два полка были захвачены в бою 5 августа, но дрались очень упорно.

Ночью, под утро 6, весь день 6 и ночь под 7 августа мы провели в Брюховецкой. Днем 6-го выходили к Лебяжьему монастырю, так как третий полк этой (неприятельской) бригады, получивши самостоятельную задачу, все еще находился в районе Брюховецкой. Его пошли забирать астраханцы.

7 августа днем мы перешли в Тимашевскую. 8 числа стоим пока здесь. Днем выстраивали два смотра Улагая, но мы напрасно простояли с полчаса и разошлись по домам на обед, а потом — выступление на Роговскую. Бой передовых частей у Роговской. Вчера и часть ночи — в Роговской.

Выступление из Роговской в 12 часов, в ночь под 9 августа и нападение на нас и наш обоз товарищей. Бой 9-го под Гарбузовой Балкой и мое ранение. Путешествие в Ольгинскую. 10 августа переезд в Приморско-Ахтарскую, в эпидемический лазарет. 11 августа в лазарете. 12-го числа путешествие из Ахтарей в станицу Гривенскую. Бдение на дожде перед отрядом Голубя 17-й передовой...»

На этом дневниковые записи сотника Кубанского казачьего войска Б. М. Дули заканчиваются. Как известно, «улагаевский» десант большого успеха не имел, хотя его передовой отряд во главе с генералом Казановичем и продвинулся на значительное расстояние от Азовского моря, заняв станицу Тимашевскую. А она находится в 50 верстах от Екатеринодара — центра Кубани.

Местное население в своей массе не поддержало белый десант. Казаки устали за шесть лет германской и Гражданской войн, наивно надеясь, что советская власть теперь их уже оставила в покое с их прежним укладом жизни. Потому 24 августа 1920 года, понеся также немалые потери, «улагаевский» десант вернулся на судах в Крым. Правда, общая численность вернувшихся оказалась больше, чем отбывавших воинов на Кубань. К десанту все-таки примкнуло немалое число казаков с семьями. Это были жители тех станиц, которые оказались занятыми частями десанта.

Б. ПЫЛИН. ГИБЕЛЬ ГРЕНАДЕРСКОГО БАТАЛЬОНА. 2 АВГУСТА

*Из книги воспоминаний
«Первые четырнадцать лет»*

Наш полк занял позиции верстах в 20 от Приморско-Ахтарской ночью, действуя на ощупь, не зная, что впереди и вокруг него. Два батальона заняли позицию левее железной дороги. Правее, довольно далеко от железной дороги, у Свободных Хуторов, занял позицию 3-й Гренадерский батальон.

Наступала на нас кавалерийская дивизия, имеющая в своем распоряжении артиллерию, которая начала нас усиленно обстреливать. Наша артиллерия еще не успела подойти и не могла ответить тем же.

Большевики, наверное, узнав, что в железнодорожной будке находится штаб полка, взяли ее по-серьезному под обстрел. Снаряды, все сотрясая, рвались совсем рядом. Такого обстрела я еще не переживал.

При такой обстановке наш штаб на какой-то промежуток времени оказался отрезанным от остальных частей полка. Позднее обнаружилось, что большевики бросили свои главные силы на наш правый фланг, занимаемый Гренадерским батальоном, с целью его окружить. Бой там продолжался несколько часов без перерыва. Патроны были на исходе. Около полудня батальон не выдержал и начал отступать. Но в своем тылу он наткнулся на красных и оказался отрезанным от своих.

Мало кто пробился из окружения. Большинство или были порублены красной конницей, или взяты в плен. В этот день батальон потерял убитыми или взятыми в плен около 200 человек, среди них 4 сестры милосердия.

В этом, казалось бы, безнадежном положении нашлись командиры, которые не растерялись и сохранили присутствие духа.

Прорываться пришлось через хутора. Каждые 40—50 шагов был забор, через который нужно было перелезть. Как рассказывали, у одного такого перелеза остановился начальник пулеметной команды пор. Слободянюк с пулеметом; его огнем он прикрывал отступление. У него уже кончились пулеметные диски. Увидев среди бегущих своего брата, он закричал ему:

— А диски взял? — На обязанности брата было носить пулеметные диски.

— Нет, не взял, — ответил тот смущенно.

— Тогда иди обратно и принеси их сюда! — отдал поручик брату довольно жестокое приказание. Младший брат точно исполнил приказание старшего брата: побежал обратно, пробрался на оставленную ими позицию, на глазах у подходивших красных забрал диски и принес их брату. Эти диски спасли людей, прорывавшихся с этими двумя братьями из большевистского окружения.

К вечеру Свободные Хутора, где произошла трагедия Грендерского батальона, были взяты обратно и были подобраны убитые. Убитых было найдено около ста человек и, наверное, еще много ненайденных осталось лежать в зарослях кукурузы, в камышах плавней.

В степи была вырыта большая братская могила, и все трупы свезены к ней. Все они были догола раздеты: кто-то позарился на синие бриджи, на хорошие сапоги. Среди убитых были и такие, которые, видно, были сначала ранены, а позже кем-то добиты. Но и этого мало: кто-то издевался над ними, кто-то мучил раненых перед тем как убить. У многих были выколоты глаза, на плечах вырезаны погоны, на груди — звезды, отрезаны половые органы.

И ведь это проделали над русскими свои же русские и только потому, что они правду и добро понимали по-другому, чем те, кто надругался над ними. А казалось, еще недавно и те, и другие вместе сражались на германском фронте и в трудную минуту, рискуя жизнью, выручали друг друга. Кто разбудил в них зверя? Кто натравил этих людей друг на друга?

Я не хочу сказать, что в этом виноваты были всегда только красные, а белые всегда были правы. Конечно, много жестокого делали и белые. Нет ничего ужаснее, кровопролитнее и беспощаднее Гражданской войны. И не дай Бог, чтобы русскому народу пришлось еще раз пережить что-нибудь подобное...

В день панихиды было получено еще одно печальное известие — в Приморско-Ахтарской при разгрузке пароходов от случайной бомбы налетевшего большевистского самолета погиб помощник командира полка по хозяйственной части полк. Вертоградский.

Он был женат на первопоходнице, прапорщице Зинаиде Николаевне Реформатской. В 17-м году, при Керенском, она поступила на курсы в Алексеевское пехотное училище, по окончании которого была произведена в прапорщики. Всего женщин на этих курсах было 25, потом 15 из них пробрались на Дон к ген. Алексею и пошли в Первый Кубанский поход. Зинаида Николаевна была среди них.

В мое время в Белой Армии чина прапорщика уже не было и первым офицерским чином был чин подпоручика. Не было и женщин в армии, кроме сестер милосердия. З. Н. не была произведена в подпоручики, так и осталась прапорщицом, как живое напоминание о Женском батальоне — безрассудной, но героической попытке русских женщин во время развала «керенщины» спасти Россию и своим примером образумить мужчин и заставить их выполнить свой долг перед Родиной.

* * *

Гибелью Гренадерского батальона и смертью помощника командира полка начался для нашего полка Кубанский десант.

Под вечер в день похорон погибших гренадеров из камышей, близко подходивших к железнодорожной будке, где находился штаб нашего полка, выполз странного вида человек. Он был в изодранной черкеске, заросший и измученный. Представился есаулом, назвав свою фамилию (не помню ее). Сказал, что он послан к нам штабом Кубанского повстанческого отряда для связи с командованием десанта. Он рассказывал, что в плавнях находится много казаков, бежавших от красных и жаждающих опять начать борьбу с большевиками. Это сообщение ободрило и подняло у нас дух, упавший после событий последних дней.

Правда, как показало будущее, не все было таким радужным, как это описывал этот повстанец, и не так много оказалось казаков, готовых опять начать борьбу за освобождение Кубани от большевиков.

Если не ошибаюсь, на следующий день была с боем занята ст. Ольгинская (ее другое название, насколько помню, было Ново-Джерелиевка) и взяты пленные. Кубанцы отбили у большевиков большой броневик с громким названием «Товарищ Ленин». Этот броневик я увидел при входе в станицу. Имя Ленина уже было перечеркнуто мелом и сверху тем же мелом было каллиграфически выведено: «Генерал Бабиев». Казаки уже перекрестили броневик, дав ему имя своего любимого командира. Бабиев был лихой командир, еще молодой, но за время мировой и Гражданской войн уже много раз раненный, собственно говоря, инвалид: одна рука у него была сухая и не действовала. И тем не менее, он был всегда там, где опасность, всегда впе-

реди своих казаков. Казаки его обожали, ему верили и были готовы идти за ним куда угодно.

Вечером в ст. Ольгинской неожиданно в штаб нашего полка явились два офицера из нашего Гренадерского батальона, которые уже были нами причислены к погибшим. Спаслись они чудом. Как они рассказывали, батальон был окружен, попытка пробиться кончилась неудачей. Патроны все вышли. На спасение не было никакой надежды, и они сдались, другого выхода не было. Офицеров сразу же отделили от нижних чинов и начали издеваться над ними и избивать. На ночь их поместили в какой-то сарай. Их было больше 50 человек. Из разговоров конвоиров они поняли, что утром их ожидает расстрел. И вот эти два офицера сговорились, что когда их поведут на расстрел, они попытаются бежать. Терять было нечего, а может быть, посчастливится и удастся спастись.

На рассвете их вывели и повели за станицу по дороге, идущей кукурузными полями. Эти два офицера шепотом пробовали уговорить шедших с ними рядом тоже рискнуть и броситься всем одновременно в разные стороны, но их предложение не встретило сочувствия — для этого нужна была какая-то решимость, а ее у большинства уже не осталось.

Тогда один из них сильно толкнул ближайшего конвоира, так, что тот упал, настало замешательство, воспользовавшись которым они бросились в чашу растущей рядом кукурузы. Конвоиры открыли огонь, но преследовать их не решились, видимо, боясь растерять остальных пленных. В этих зарослях кукурузы они и скрывались, питаюсь початками зеленой кукурузы.

Остальные же пленные были расстреляны.

М. А. РОССИНСКИЙ. ПЯТНАДЦАТЬ ДНЕЙ В КУБАНСКОМ ДЕСАНТЕ,

август 1920. Дневник пулеметчика

30 июля

Дивное, лазуревое, летнее утро. Море, как зачарованное, еле всплскивает под жаркими лучами солнца и переливает то нежно-зелеными тонами легкой волны, то темной зеленью, желтизной и синевою просвечивающегося дна, то голубизной со всеми оттенками перламутра его поверхности, по которой сверкают и горят мириады ослепительных бриллиантов, являющихся отражением солнца.

Даже Керчь со своими скупыми ландшафтами — рыжими,

голыми холмами и грудой каменных построек, рассыпавшихся вокруг Митридата, без всяких признаков растительности, как будто стала приятнее для глаза, окутанная вуалью утренней дымки. В крепостной миниатюрной гавани, у мола, уже второй день кипит лихорадочная работа. Люди, как муравьи, копошатся около небольшого парохода «Амвросий» и стоящей у его борта баржи «Чайка».

Груды ящиков со снарядами, патронами, консервами, огромные мотки колючей проволоки, два полевых орудия с зарядными ящиками, целая вереница тачанок, масса лошадей — все это предстоит к сегодняшнему вечеру погрузить на наши два суденышка. Шипит пар, взвизгивает лебедка, и постепенно на молу уменьшаются горы наваленного имущества, пожираемые ненасытными трюмами.

Лошади в панике ржут и мечутся, но ловкой рукой их подводят к борту, подкладывают под живот особое приспособление из брезента с четырьмя цепями по краям лебедок и пускают; опять свист пара, рокотание машины, и несчастное животное уже высоко висит в воздухе, смотрит испуганными глазами вниз и вдруг неистово задрывает ногами, будто детская игрушка, которую дергают за ниточку; но страхи и мучения быстро оканчиваются — она стремительно опускается в трюм.

Внизу уже все заполнено окончательно, остается место еще на палубе, где и так еле пройдешь между ящиками и людьми, но на один ряд накладывается второй, третий... даже на орудия сверху что-то уместают; все выше и выше подымается уровень над палубой. Где же тут еще батальоны поместятся, куда можно будет поместить их? Кажется невозможным, но при желании возможно все, а в особенности для человека, который так быстро приспособится ко всякой обстановке. К вечеру все готово.

Из темной пасти выходящего из-под крепости тоннеля показалась длинная вереница людей, одна колонна за другой; штыки, кое-где высокие пики с флажками батальонов. Это Алексеевский полк, снявшийся со своей стоянки в крепости и направляющийся к близлежащей пристани, куда через некоторое время нашу баржу подтянул буксирный катерок. Все роты и прибывшие юнкера выстроились, образуя квадрат, с офицерским хором, священником и начальством в центре. Начался напутственный молебен перед походом неведомо куда, в какую сторону; что сулит он — успех или неудачу, кто вернется оттуда живым и здоровым и когда?

Сумерки стужаются в природе и на душе. Как-то раньше, когда уже знали, что вот-вот нас пошлют в десант, беззаботно думалось об этом: все казалось замечательным, интересным, но только до наступления этого самого момента. Он настал, и боль-

но сердце сжимается. Всего несколько женщин пришло провожать своих родных, и приятно последним видеть их, может быть, в последний раз, но в то же время как тяжело прощание!

У меня в это время одно желание, вылившееся в упорную мысль: увидеть своих. Молебен закончился бессодержательной речью священника, и опять, как всегда в таких случаях, горько стало и обидно: это благословение войны, зверства и убийства служителем церкви Христовой. Какой это абсурд, не вяжущийся с основными положениями христианства, выраженными Спасителем: «Люби ближнего своего, как самого себя», «Взявший в руки меч от меча да и погибнет» и многое другое.

Нельзя было представить себе, чтобы в баржу, и так перегруженную, могла поместиться хоть половина полка, а тут набился не только он целиком, но и часть военных училищ, так что трюмы, малейшие щелки и закоулки на палубе, все заполнилось народом, большинство в стоячем и висячем положении (сидеть считалось большим счастьем). Мне кажется, что тут было хуже даже, чем селедкам в бочке.

Запыхтел катер, пуская клубы дыма; пристань медленно поплыла, все дальше и дальше уменьшаясь, пока не исчезла с очертаниями крепости в темноте. Все ближе и ближе блещат, переливаясь, огни Керчи, куда нас ведут; таинственно мигают плавучие маяки; из мрака вылазят контуры мачт, труб, пристаней, силуэт какого-то огромного парохода, откуда доносятся крики, голоса, ржание коней.

Это — «Николай», который через короткое время берет на буксир катерок, последний — нашу баржу, и в таком порядке мы медленно двигаемся к Керченскому проливу. У всех настроение повышенно-напряженное; сейчас выяснится вопрос: по какому направлению пойдём, направо — в Черное море, или налево — в Азовское. Повернули налево. Безлунная темная ночь. Небо облачно. Наша флотилия бесшумно ползет вперед по гладкой поверхности воды, как пресмыкающееся. Кажется, стоишь на месте, так трудно уловить движение. Необходимо незамеченными пробраться мимо советских берегов Тамани, откуда каждую ночь пронизывают тьму голубые лучи сильных прожекторов.

На этот раз там творится что-то странное, будто за аппаратами дети, которые, балуясь, бессмысленно водят по небу то в одну, то в другую сторону, на некоторое время гасят свет, опять пускают.

Из мрака вдруг вынырнуло чудовище и поплыло мимо нашего борта; кое-где тусклые огоньки, фигуры матросов. Перекликаются. Это бывший когда-то одной из единиц нашего флота «Ростислав», броненосец, а теперь старая калоша, со взор-

ванными котлами, попорченными машинами, служащий пла-
вучей крепостью для защиты Керченского пролива, которую на
буксире перетаскивают с места на место.

31 июля

Открытое, беспредельное море. Сразу видно, что это дру-
гое, не родное Черное. Вода мутная, зеленая, салатного цвета и
какая-то густая, противная. Солнце печет нестерпимо. Незамет-
но подкрадывается жажда, и тут начинаются наши мучения. На
две тысячи человек воды всего небольшая бочка, и вот за дра-
гоценной влагой потянулись очереди. Крик, ругань, беспоря-
док и безалаберщина. За двое суток на человека пришлось все-
го 1/2 кружки воды. Выпивши свою порцию, только нестерпи-
мое делаешь свою жажду; еще хуже сохнет во рту, язык прили-
пает к нёбу, печет в горле, а о воде и думать противно. Многие
принялись черпать и пить морскую воду, находя, что в Азовс-
ком она не такая соленая, как в Черном. Попробовал и я в кон-
це концов и сейчас же выплюнул с омерзением, а находились
такие любители, что выпивали, не моргнув глазом, целыми ко-
телками.

Под вечер флотилия наша остановилась в открытом море,
сплошь усеяанном судами самых разнообразных типов: пасса-
жирские пароходы Русского общества, катера, баржи, транспор-
ты, буксиры, миноносцы; всего я насчитал более 30.

Мрачное небо, кое-где прерываемое кровавыми просвета-
ми заката, свинцовые тучи, рассекаемые непрерывными зар-
ницами и фиолетовыми молниями; черная пелена ливня, спу-
скающаяся с далеких облаков к горизонту, тяжелые волны раз-
гулявшего моря, отражающие все оттенки небесного свода
и многочисленная флотилия вокруг, вдруг почему-то остано-
вившаяся, чего-то ожидающая. Все это представилось мне кар-
тиной из мифологии, поход аргонавтов, античных героев, ти-
танов, когда участие в людских делах принимали сами боги,
Олимпийцы.

Раздался пушечный выстрел — сигнал к военному совету на
одном из кораблей, куда съехались на катере все командиры
полков, начальники дивизий, и по окончании которого мы толь-
ко узнали, что высадка будет завтра, на рассвете, в станице При-
морско-Ахтарской, отстоящей отсюда верст на 50. Тотчас же
командиры батальонов, рот и начальники команд разработали
план и порядок предстоящей операции для своих частей.

Совсем стемнело, и мрачные сумерки сменила черная бес-
просветная ночь с ливнем, ослепительными молниями, тя-
желыми глухими раскатами грома. Гребни волн и бегающие

кружева шипящей пены светятся зеленым фосфорическим светом на бушующей морской поверхности. Смотришь пристально, глаза хотят проникнуть и постичь тьму и начинает казаться, что это не море, а широкая беспредельная степь; воображение из облаков создает скирды сена, группы деревьев, хуторок; а от тебя начинаясь, вдаль пошла далеко, далеко проселочная дорога...

1 августа

Встряхнул с себя набегавшую дремоту (заснуть невозможно благодаря неудобному сидячему положению в страшной давке и нервно-возбужденному состоянию). Было уже чуть розовато перед скорым рассветом и восходом солнца. Бледное, с холодными голубыми переливами море отражает все более светлеющее небо. Вот на горизонте показались какие-то длинные лиловые очертания, так похожие на облака далекого горизонта; но это — земля Совдеповская, которая все ближе и ближе приближается к нам.

Уже видна налево острая, как стрела, тонкая коса, направо и посредине — возвышенные берега, покрытые растительностью и хатами, расположенными отдельными группами; темная масса зелени с белянскими домиками и острями церковной колокольни. Это — станица Приморско-Ахтарская, предназначенное место высадки десанта. Все видно ясно, как на ладони, даже маленькие фигурки бегающих людей, лошадей, повозок. Заметались, тревога... Наши четыре баржи, влекомые прицепленными сбоку катерами, выстроились в один ряд и приближаются к берегу, составляя передовую наступающую цепь.

Несколько пароходов-барж с орудиями остановились позади нас и заняли позицию. Тишина прерывается орудийным выстрелом с одной из них. Характерный свист в небе, темный дымок где-то далеко у станицы, тупой звук разрыва. Второй, третий... И канонада началась шрапнелью и гранатами по ближайшей от нас группе строений, станичному вокзалу и другим пунктам. Две первые баржи, дойдя до мели, стали, и кубанцы начали поспешно спускаться верхом по доскам в довольно глубокую воду и быстро направляться к косе, где уже видны добравшиеся туда и выстраивающиеся всадники.

Но тут из-за ближайшего бугра поднялась сильная ружейная стрельба. Казаки спешили и быстро, перебежками, помчались к холму. С наших катеров затрещали злобно, мелкой дрожью, пулеметы, и по гладкой, как зеркало, воде побежали дорожки брызг и пены от ложащихся пуль.

Артиллерия направила огонь на валобразную возвышенность, где засел и отстреливался советский гарнизон. Один за

другим ложатся снаряды в этой площади, подымая вверх черные столбы дыма, комьев земли, разворачивающихся в пальмообразную шапку и падающих вниз. Очень скоро цель достигнута: из-за холма видно полное смятение, люди бегут, садятся на подводы, лошади мчатся... Огонь прекращается.

Везде по только что обстрелянным местам рыщут кубанцы конные и пешие; баржи их уже опустели. Да и с нашей идет поспешная выгрузка. Спущены сходни, и люди входят по пояс в воду, кто сняв штаны, кто только закатав брюки, другие совсем нагишом, а некоторые в полном обмундировании. Ну, слава Богу, отлегло у меня от сердца: первого боевого крещения еще нет, под градом пуль по пояс в воде с пулеметами на плечах, пробиваясь к берегу, как предполагалось, и можно без спешки двигаться к косе, раздевшись догола и нагрузившись пулеметными лентами.

Через несколько минут я уже на берегу со многими другими. Одеваюсь. Живописная картина: везде в воде, как муравьи, кишат фигурки двигающихся людей, расплзающихся из своих муравейников — барж, вдаль все море усеяно кораблями, а тут торопят всюю: оделись, выстраиваемся по ротам и трогаемся по косе к группе хат и деревьев, где потом, как звери, набрасываемся после двухдневной жажды и выпиваем кажется два колодца.

Наш 2-й батальон разбивается на роты, и каждая гуськом двигается по разным направлениям в обход Ахтарской с левого фланга. Мне казалось сперва даже приятным катить своего «Максима» по твердой почве, но тут пришлось довольно туго по мягкому, кочковатому грунту недавно скошенных полей. Пот льется градом, руки онемели, проклинаешь все на свете, пока приходит избавление: офицер команды нашел у скирды подводу с оторопевшей бабой, куда водружаются пулеметы, патроны, и мы бодро идем за ней, все забегая то в баштаны за арбузами, то в лачуги у стогов соломы и выпивая там на лету молоко из кувшинов; надо галопом мчаться вдогонку за подводой, которая уже далеко.

Масса зелени садов и хаты Ахтарской остаются вправо, а мы пересекаем полотно железной дороги у будки, где узнаем от жителей, что недавно последний состав с большевиками ушел по направлению к Ольгинской. О предполагавшемся десанте, даже численности кораблей и всех подробностях давно знали и говорили здесь, но место высадки осталось тайной.

Гарнизон здешний состоял всего примерно из 75 человек, из которых 10—15 убиты и ранены нашими снарядами. Делаем маленький привал, закусьваем и трогаемся опять по проселочной дороге параллельно полотну.

Совсем темно. Предметы приняли таинственные облики; странные звуки прорываются в тишине, звуки заснувшей степи и легкий шум от двигающихся подвод, людей... Налево, наверху, по рельсам длинной цепью гуськом растянулись роты; впереди чернеет плотная фигура командира полковника Логвинова и солдата с большим флагом 2-го батальона. Путь предстоит еще далекий, полный неизвестности, по направлению к станции Ольгинской.

Глубокой ночью, измученные усталостью и переживаниями дня, мы добираемся до маленького хутора, около будки полустанка. Черная темень и кое-где яркие огни, освещающие дрожащим кровавым пламенем заборы и хаты. Злой, глухой лай собак.

Нас помещают в какой-то двор; хозяева (одни бабы, девочки и дети) спят на дворе в одной постели. Мы разлеглись на соломе под лошадьми и подводами. Вся картина почему-то напоминает описание ночевки трех бурсаков у ведьмы в «Вие» Гоголя. Недолго, однако, пришлось быть в забытьи крепкого сна усталости — четверть, может быть, полчаса, не больше.

Начальник команды капитан Богданов и младшие офицеры поспешно будят. Дело плохо: от разведчиков получены сведения, что мы окружены дикой дивизией. Среди полной темноты, еще не отогнав сон, галопом вылетаем со двора. Остановились недалеко и заняли позицию на самом полотне у будки, где водрузили пулемет № 1, на котором я являюсь вторым номером. Никак не можешь ориентироваться во тьме, будто во время сна вся голова и направления перемешались в голове; где наши, где приближающийся враг — сам черт не разберет.

Слышится шепот голосов, шуршание ног, в поле — голоса, отдающие приказания, и вдруг вдали тишину прервала резкая дробь пулемета... Настроение препаршивое, так что даже легкая дрожь появилась в теле (которую автор, конечно, приписывает ночному холоду, а он был только в одной полотняной гимнастерке). Затихло. Из темной неопределенной массы там, напротив, иногда выделяются фигуры людей приближающихся; хватаемся за пулемет, все наготове, оклик: «Кто идет, какой части?» Оказывается наши одиночные, отставшие казаки или разведчики.

Несмотря на всякие ощущения и настроения, усталость взяла свое, и я заснул прямо на песке, между рельсами. Проснулся озябший и отсыревший до косточки, зубы стучат и дрожь, как в лихорадке.

Уже чуть брезжил рассвет. Сбоку на полотне послышались шум, крики, кто-то бежит. Рассеивающуюся темноту прорезал голубоватый огонек и, как удар огромного бича, резко раска-

тился винтовочный выстрел. Произошел такой инцидент: два офицера, бродя в потемках по рельсам, натолкнулись на двух всадников, при оклике оказавшихся советской части.

Одного из товарищей офицер стянул с лошади за шиворот, но тот решил биться «до последней капли крови» с противником, не имевшим оружия, погнался за ним и наверняка зарубил бы, если бы в этот момент другой офицер не пустил пули в грудь советскому кавалеристу.

Темная масса против нас оказалась хутором, где мы так неудачно ночевали, а воображение представляло его в совершенно противоположной стороне. Все страхи о нашем окружении тоже рассеялись. Мы опять въехали в тот же двор и расположились всей командой на несколько дней.

2, 3 и 4 августа

Дни приятного времяпрепровождения, отдыха, ничегонеделания, предаваясь всяческим яствам, после крымской голодовки, черного хлеба с соломой, супов из сушеных бычков и всяческой дряни, так что скоро от обжорства желудок забастовал и начал кровавую революцию.

Обилие молока по 50 р. за громадный кувшин, сливочное масло по 400 р. фунт, белоснежный хлеб 200 р. (10 фунтов), курица 100 р. — все это охотно продают наши хозяева: старая бабка, ее замужняя дочь и целая куча пискливой детворы. Кроме того, красных, будто сахаром обсыпанных арбузов, ароматных дынь бери, сколько душе угодно, рядом на баштане, — лакомство непозволительное в Крыму, где такая штука пахла несколькими тысячами.

Однако скоро наши части совсем объели небольшой хуторок и достать что-нибудь «пошамать» (как у нас говорилось) стало трудно. Я отправился с двумя солдатами по окрестности в поисках продуктов. Зашли верст за пять, т. к. почти во всех встречных экономиях уже стояли казаки и хорошо все очистили.

В конце путешествия у нас в мешке оказалось только два хлеба, десятка два яиц, несколько арбузов, чеснок, но и то слава Богу. Близость неприятеля давала о себе знать. Частый обстрел хуторка с бронепоезда, видимого простым глазом; пролетающие иногда аэропланы с пятиконечной звездой; какие-то рышущие всадники по горизонту; отдаленная пулеметная и ружейная трескотня там, где наступал 3-й Гренадерский батальон нашего полка, что окончилось для него кровавой баней, из которой в живых осталось только 20 человек из 225. Гренадеры зашли вглубь и, натолкнувшись на цепи противника, завели перестрелку; штаб находился в хуторе, поблизости.

Совершенно неожиданно с тылу и флангов очутилась большевистская конница, произведшая такую панику и смятение, что ей удалось в несколько минут зарубить большинство; человек 80 недорубленных взяли в плен; командир батальона с несколькими офицерами были зверски убиты в самом хуторе, только некоторые единицы каким-то чудом спаслись. 1-й батальон тотчас же пошел к месту несчастья и отогнал товарищей.

К нам привезли изуродованные трупы командира гренадеров и его адъютанта. Мороз по коже пробегает: что может быть ужаснее такой смерти.

5 августа

Рано утром, еще до восхода солнца, мы тронулись дальше. Длинная, змеей растянувшаяся вереница подвод, двигающихся вдоль железной дороги. По пути попадают интересные трофеи, брошенные поспешно «драпанувшими» большевиками, по пятам преследуемыми нашей кавалерией. Вот бронепоезд «III Интернационал», обстреливавший наш хуторок еще вчера; смертельно раненый паровоз с потеками и лужами крови — черной нефти из развороченных внутренностей удачно попавшим снарядом.

Поодаль валяются в разных местах страшные голые трупы зарубленных товарищей, наверно, из команды поезда. Волосы какого-то неестественного цвета от пыли, выпученные глаза с застывшим выражением ужаса, черные сабельные раны. Все чаще попадают трупы лошадей со вздувшимися животами и взрытой вокруг земель (видно, бились в предсмертных судорогах); трактор с тяжелым орудием, автомобили-грузовики, подводы со снарядами — признаки недавнего бегства.

Уже стемнело, и мы должны были заночевать в какой-то станции, куда отправилась наша разведка и должна была дать сигнал в случае безопасности. Скоро из темной массы деревьев поднялась, разрезала небо огненной полосой и разорвалась в вышине ракета. Значит, все спокойно, и мы через некоторое время вступаем в станцию.

Мрачная, жуткая тишина, темень, ни души. Громадная пустая площадь с высокой церковью, наглухо закрытые домики, потонувшие в гуще садов. Наша команда располагается прямо на широченной улице под забором. Люди вповалку спят, укутавшись в шинели на земле, а мне, несчастному, не приходится такого удовольствия: поставлен на часы у пулемета и должен окликать проходящие изредка фигуры людей или возниц с подводами. Сплю стоя, облокотившись к пулемету, клюю носом. Стукаюсь головой и прихожу опять в себя. Четыре долгих часа

какого-то отупленного состояния в полузабытье, наконец, прошли. Валюсь под забором, и крепкий сон усталости тотчас же одолевает.

6 августа

Ранним утром все проснулось, и накануне будто вымершая станица (Новоджерелиевская) ожила: появились жители, почти исключительно бабы. Не успели мы зажарить только что зарезанных кур, поесть яичницы, как приказ: немедленно продвигаться дальше.

За станицей натолкнулись на ужасную картину: около 80 трупов зверски замученных офицеров 3-го батальона, взятых в плен; большинство, судя по перевязкам, были раненые, недорубленные. Прошли мимо вокзала станицы Ольгинской и двигаемся по полям. Несколько раз нас обстреливает бронепоезд, рвутся гранаты, шипит шрапнель. Вся масса подвод останавливается где-нибудь з прикритии, пехота идет вперед цепями, четыре пулемета нашей команды — на подводах сзади, в отдалении одна от другой. Вылетают батареи, некоторое время устанавливаются и открывают огонь. Уже долго мы лежим на душистой траве; пулеметы и лошади за скирдами. Далеко впереди доносится, как рокот бушующего моря, сливающаяся в одно целое трескотня десятков «Луесов» (английские пулеметы — прим. ред.) наших наступающих рот.

Все более учащается свист снарядов, рвущихся поблизости, и вздымающих черную землю. Довольно низко, как гигантский шмель, жужжит пропеллер, «конечно», своего аэроплана. Но он на секунду замедляет ход, пускает голубоватый дымок, слышится свист падающего с высоты тела, и с оглушительным треском разрывается бомба. Никаких результатов — полетел дальше.

Пробираемся опять вперед по камышам, буграм, рытвинам и доходим до какой-то речонки, на покато́м берегу которой, прямо на баштане, ложимся под редким обстрелом картечью. Картечины булькают по воде... Рев пулеметов все удаляется и вдруг замолкает. Прекращается и оружейная стрельба.

Взбираемся на высокий бугор, за которым расстилается равнина, а верстах в пяти — длинная полоса зелени, дома, церкви, трубы. Это — станица Тимашевская, узловая станция на Екатеринодар — Ейск — Новороссийск, конечная цель «первых действий» после высадки, которая так легко досталась, хотя все уверены были, что именно тут будет наибольшее сопротивление.

Мы в 56-ти верстах от Екатеринодара! Часам к шести вечера массы пехоты, кавалерии, артиллерии, броневых автомобилей черным, кишащим муравейником покрыли окраины станицы. Я

помчался с другими по пустынным улицам в поисках съестного. Натолкнулся на какую-то бабу, которая затащила меня к себе и накормила дивным постным борщом с пирогами (по случаю Спаса дня) на лету, и бежать вдогонку, т. к. войска уже входили в станицу и занимали квартиры. Нам достались зажиточные и очень несимпатичные хозяева, занимавшие хороший дом среди большого двора. Напротив — маленький дом, обитаемый переселенцами из Совдепии, типичными мужиками-кацапами со своеобразным говором. Разместились все на ночь, устроив удобные лежа под громадными скирдами соломы во дворе около фруктового сада.

7 августа

С утра был назначен с четырьмя другими солдатами в суточный наряд на сторожевой пост у пулемета охранять железнодорожный мост через маленькую речонку. До вечера проводили время в ничегонеделании. С аппетитом уплетали принесенный жирный борщ, кислое молоко, дыни.

Мост высокий, железный, красного цвета; один конец его осел, переплеты разворочены; сооружен новый высокий устой из шпал, вместо прежнего каменного, который был взорван добровольцами в марте 1920 г. Внизу тихая вода, заросли камыша, где бродят длинноногие цапли в поисках лягушек; налево еще два моста, водяная мельница, масса деревьев; кругом баштаны, огороды, поля; впереди, куда направлен пулемет, рельсы бегут на юг, в Новороссийск.

Ночью пришлось два раза стоять на часах с винтовкой за мостом в этом направлении, остальное время спал на песке у рельсов.

8 августа

Пригнали около 3000 пленных, захваченных ген. Бабиевым под ст. Брюховецкой. Все — мальчишки 17—19 лет с Урала; низкорослые, бледные, одетые самым жалким образом в штаны и рубахи, сшитые из тряпок и мешков, со странным кацапским говором, так резко отличающиеся от наших солдат: высоких, здоровых, загорелых, в солидном обмундировании.

Пленные уже зачислены по ротам и командам (нам достается пополнение в 30 чел.), они спешно рисуют чернильным карандашом кокарды на фуражках и погоны на гимнастерках. Скоро их усадили кружком в саду у пулемета, и начальник команды ведет обучение об этом оружии, автоматически выпускающем до 500 пуль в минуту, состоящем из установки, короба, кожуха и т. д. Мы считаемся уже старыми солдатами, эту премудрость нам долбили целый месяц, и можем отдыхать.

Вечером тревога: где-то поблизости показалась конница. Подымается суматоха во дворах, выстраиваются роты, мчатся казаки, медленно, но уверенно двигается броневомобиль. Меня с несколькими другими вернули назад за станицей, как лишний балласт на пулеметной подводе, что нас, должен признаться, не обидело, а, наоборот, порадовало. Скоро возвратились и остальные, т. к. ничего существенного не оказалось.

9 августа

Всеобщее бодрое настроение благодаря такому легкому продвижению вглубь и предполагавшемуся триумфальному шествию на Екатеринодар, понижается, когда мы узнаем, что пойдем назад. Кажется, нас перебросят «по стратегическим соображениям» на Тамань. Знаем мы скрытый смысл, так сказать, истину этих соображений! Еще до полудня все пространство за станицей, у дороги, по которой мы три дня тому назад входили, сплошь покрыто тысячами людей, подвод, лошадей, и вся эта масса трогается и тянется бесконечной лентой вдоль железной дороги по направлению к стан. Роговской, куда собираемся под вечер. От станции еще версты полторы к самой станице мимо многочисленных амбаров, сараев, ссыпок для зерна. Солнце посылает последние золотые лучи, освещающие кубанцев, переходящих по узенькой дамбе через речонку авангардом. Дальше тянутся другие части, обозы, артиллерия; все сбилось на узкой насыпи и медленно ползет вперед, подымая облака густой пыли, которая кажется благодаря закату прямо золотой, переходящей потом в тона красной меди и, наконец, совсем блекнет.

Команда занимает большой двор на откосе у реки, и все бегут к воде поскорее помыться, чтобы успеть перед сном позаботиться о приготовлении хорошего ужина. Недолго пришлось спать под скирдами соломы: около часу ночи все были моментально подняты и быстро вылетели из станицы через дамбу к станции.

Потом узнали, что большие силы красных подошли к Роговской, кольцо окружения уже смыкалось, и только благодаря случайно перехваченному приказу мы выскользнули из западни. Кубанцы столкнулись в окраинах станицы с наступающими цепями противника; многих изрубили. Часа два стояли у станции в полной темноте и неизвестности.

Я опять в часах. Вот-вот засну стоя, после сильного утомления и стольких ночей недосыпания. Снимаемся и быстро едем, порою мчимся, потеряв из виду наши три других пулемета, и стараемся все время не отставать от впереди двигающейся артиллерии.

Мрак немного проясняется, но это не признаки приближающейся зари, а зарево, исходящее, как скоро увидели, от пылающего грузовика-автомобиля, вероятно, с запасом бензина. Светает, и наступает первый день безостановочных продвижений по полям во всех направлениях, имея незримо противника со всех сторон.

10 августа

Опять наши подводы позади, медленно плетутся по равнинам, балкам и холмам. Ясно видно, как впереди наступают несколько длинно растянувшихся цепей пехоты, выстукивают пулеметы, одиночная и залпами винтовочная стрельба, а сверху все чаще и чаще шипит злобная шрапнель, но с весьма неудачными результатами. Наши батареи тут где-то близко, под возвышенностью, работают вовсю, потом снимаются с места и, с общим движением, переходят вперед на версту, две, откуда раздается их стрельба. Налево из подсолнухов стукнуло несколько выстрелов, и близко, будто у самого уха, с характерным звуком просвистели пули.

Мы галопом погнали лошадей к этому месту с целью развернуться и открыть огонь, стрельба участилась; вокруг пляшут столбики вздымаемой пыли от шлепающихся пуль. Одна, наконец, плюхнулась около меня во что-то мягкое: ранила нашу лошадь в грудь около ноги, которую тотчас же отвели в тыл, заменив резервной.

Вся равнина кругом до далекого горизонта представляет из себя картину беспорядочного боя во многих местах, с разными группами противника и на много фронтов во всех направлениях. С одной стороны идет цепями пехота, с другой — завязалась кавалерийская атака и кубанцы зарубили до 500 человек. Там бьет артиллерия из-за скирд по неприятельским батареям. Здесь наша пулеметная тачанка во главе с начальником команды помчалась вдогонку за рыскавшей неподалеку такой же большевистской.

Пехотные цепи и мы с ними постоянно меняем направление, бродя по баштанам, кукурузе, подсолнухам, скошенным полям. Получается нечто вроде игры в ловитки в большом масштабе.

К полудню отдыхаем под гигантскими скирдами у хутора, закусьваем и опять дальше, т. к. обстановка разворачивается в более определенную картину боя. Впереди одна за другой по равнине далеко растянулись четыре цепи и под сильным пулеметным и ружейным огнем наступают. Наши две подводы рыскают перед самым носом большевиков, разворачиваются к ним

задом, открывают огонь, потом опять несутся на другое место. Я разъезжаю недалеко за ними на другой подводе с двумя солдатами, и заняты мы поспешной набивкой стреляных гильз.

Наконец, на горизонте показалась быстро мчащаяся кавалерия в «лаве»; это кубанцы ударили на товарищей с тыла и флангов; наверное, сейчас уже идет рубка вовсю и бегство, т. к. стрельба сразу прекращается. Все меняем направление, где представляется зрелище только что закончившегося боя, который вел 1-й батальон, наступавший на большой хутор и взявший уже его. Благодаря ли снаряду, или умышленно подожженный он пылает; гигантское море пламени и черные клубы дыма от горящей соломы, домов, амбаров вздымаются к вечернему небу.

Товарищи разметались... Многие удирают одиночным порядком куда попало. Двух, совсем еще мальчишек, красноармейцев только что поймали калмыки. Несчастные бросили винтовки и напрасно молят о пощаде: резко щелкают выстрелы, и они уже валяются, распластавшись, остывающими трупами. Где тут возиться еще с пленными!

С заходом солнца суматоха дня, беспорядочные наступления и отходы, стрельба затихли. Все обозы, пулеметные тачанки вперемежку с колоннами пехоты мирно и тихо потянулись по длинной дороге на отдых — ночевку в стан. Бриньковскую, видную верстах в 3-х.

Смеркалось... Я, свесив ноги с подводы, без фуражки, чем-то закусывал, болтая со своими сотоварищами и сестрой-первопоходницей, много на своем веку выдавшей видов. Тут произошло то, чего мало кто мог ожидать, а тем более мы — новички. Среди мирного шума катящихся колес, идущих людей, лошадей, тихих звуков сумерек воздух сразу разорвался оглушительным ревом: зловеющим треском штук десяти пулеметов, слившимся в одно целое. И пошел ливень пуль со всех сторон, свистящих, шлепающих, вздымающих землю кругом.

Первая мысль, что мы безвозвратно погибли, так глупо нарывались на засаду, идя в станицу и не думая, кто там. Нас выждали, укрывшись в придорожных подсолнухах и допустив шагов на 300, по команде: «Огонь!» все одновременно нажали пуговицы спусковых механизмов своих пулеметов. Затем наступила секунда-две оупения. Мозг перестал работать, на его место выступили инстинкт животного страха смерти и чувство самосохранения. Последнее помню: кашу перемешавшихся повозок, людей, подымающихся на дыбы лошадей.

Я соскользнул с подводы и, по примеру других, устремился в густые подсолнухи. Бросился бежать назад, спотыкаясь о кочки и пеньки, падая и не соображая, что здесь нет укрытия от пуль, которые тысячами свистели мимо ушей, ковыряли землю и ливнем поливали все пространство.

Ясно помню мысли, вихрем промчавшиеся в сознании: «Ну, вот-вот сейчас эта или следующая пронзит мою голову или сердце, в лучшем случае, т. к. быть раненым и брошенным тут на докалывание большевикам — еще хуже. И так глупо погибнуть, за что?.. Среди серо-желтого полумрака я мельком увидел растянувшуюся фигуру убитого, спасавшегося бегством, как и я. Чувствовалось всеми фибрами души и тела, что она, эта таинственная, страшная смерть, витает так близко около меня, обдает ледяным дыханием...

Я выбежал на прогалину и услышал окрик: «Ложись!», приправленный крепким словцом. Тотчас же распластался в канаве, где лежало несколько солдат. Носом готов был зарыться в землю, чтобы укрыть голову от бешеных пуль. Почувствовал сильный удар, будто палкой по правой руке. Ранен! Но пробую локоть, и дело ограничивается порванным рукавом гимнастерки и хорошей ссадиной от скользящей пули. Огонь пулеметов ослабевает...

Встаю и подаюсь опять назад, хватая по пути окровавленную винтовку с одной обоймой, чтобы иметь хоть какое-нибудь оружие в руках и не быть доколотым большевиками, как ягненок. Но скоро в ней уже нет особой необходимости, т. к. наши пришли в себя. Командиры сзывают и выстраивают разбежавшиеся роты, подводы отошли назад, все вышли из зоны обстрела, и, удивительно, с небольшими потерями.

Совсем стемнело. Большевики тут верно будут нас преследовать с целью обойти, окружить, уничтожить. Для обеспечения планомерного отхода две наши подводы останавливаются посередине дороги, а пехота и обозы уходят все дальше и дальше.

Жуткая, напряженная тишина. Мы одни... Ухо ловит малейшие звуки и шорохи ночи, чтобы при появлении неприятеля из мглы встретить его пулеметами. Согласно донесению, снимаемся с места и нагоняем далеко ушедшие части. Так повторяется несколько раз, пока опасности не предвидится и можно трогаться в общей массе.

Долго ползут подводы в темноте... Наш возница, дед, рассказывает свои ужасы о том, что пережитом, что лошадь его убили, сыновей, кажется, тоже... Добираемся часа в 2 ночи до хибарки в степи, у стогов хлеба, колодца, среди баштанов и огородов. Здесь располагаются на ночевку: кормят, поят коней, а люди спят вповалку на земле, подостлав соломы и кутаясь в шинели от сырости и холода.

11 августа

Часов в 10 утра, после отдыха, трогаемся и вступаем в Ольгинскую, громадную станицу, далеко раскинувшуюся среди густых садов, своими широченными улицами, площадями, церквами, хатами, кирпичными казенными домами, мельницами... Занимаем большой двор зажиточной старой казачки, и начинается варка борща, жаривание кур, доставание молока и всяких других вкусных продуктов. Захожу к хозяйке с просьбой сшить мне погоны из обрезков синего сукна, так как видел у нее в доме две швейные машины. Но, к удивлению, она не умеет обращаться с ними, и приходится прибегнуть к иголкам.

Низкая чистая комната, загроможденная всякими сундуками, комодами, широкой деревянной постелью, массой дребедени; стены сплошь увешаны разными карточками, олеографиями, бумажными цветами. В углу теплится лампада у многочисленных икон. Мирно, уютно, хорошо. Так хотелось бы подольше остаться здесь, но опять, как всегда, поздно ночью нас поднимают, и все обозы с частями, запрудив широкие улицы, ползут к окраине станицы.

Я — на подводе с патронами около часа путаюсь среди других телег, т. к. одни двигаются в одну, другие в противоположную сторону, часто цепляются колесами, получается пробка; ругань, крики, пока распутаются.

Ранний месяц давно уже зашел, и очень темно. Мой возница, калмык (Пурпур-Меджид Чалдыев), никак не может сообщить и понять указаний, чтобы, наконец, выбраться из этой путаницы и нагнать команду, что в конце концов нам удастся.

Только к рассвету добрались к окраине Ольгинской, и наши обозы с резервными людьми, в числе которых был и я, остановились на улице под забором, а пулеметы выехали в поле, где сгруппировалось много войск, начавших бой с сильными цепями противника, окопавшимся поперек прямой дороги на Бриньковскую, расположенную от нас верстах в семи.

12 августа

Мы стоим здесь с рассвета часов до двух дня. Доносится стихийное рокотание пулеметов, винтовок, гул орудий, постепенно удаляющийся, т. к. наши с трудом, но все-таки гонят большевистские цепи. Те планомерно отходят, залегают, окапываются, отстреливаются, но скоро опять отступают и в конце концов, обойденные и преследуемые кавалерией, бегут в Бриньковскую, где тоже не могут задержаться.

Неожиданно галопом примчалась подвода с офицером команды и несколькими пулеметчиками, чтобы немедленно при-

слали пополнение, т. к. из наших пятнадцати человек во время боя три убито, шесть-семь — тяжело и легкораненых. Сейчас же трогаются во всю прыть две подводы, людей по восемь на каждой.

Мы быстро выезжаем из станицы. Кругом за последними домами изрытой равностоящими друг от друга ямами с бугорками черной земли впереди, для укрытия лежащего человека; это — первая линия, откуда недавно выбили большевиков.

Дальше дорога пересекается постоянно такими же линиями окопчиков, 2-й, 3-й и т. д.— до 20-ти и более оборонительных полос, где все время задерживался отходящий противник.

Перед глазами разворачивается с быстротой кинематографа жуткая картина поля только что закончившейся битвы. Масса лошадей, убитых и недобитых, с развороченными внутренностями, бессильно бьющихся на земле в агонии или бродящих с кровавыми ранами и такими грустными глазами.

Еще больше людей, преимущественно большевиков, разма- тавшихся по дороге, у скирд и в подсолнухах в самых разнообразных позах. Вот один из них в луже крови, у груды патронов в окопчике. Винтовка его смотрит в сторону белогвардейцев, но он никогда уже не будет целиться. На месте головы у него бесформенная красная масса. Здесь лежит в дорожной пыли другой, с оторванной ногой. К нему подскакивает казак, сдирает сапог. Тот, казавшийся убитым, вдруг беспомощно задрогал ногой.

Везде валяются патроны, ящики, подсумки, винтовки, разбитые повозки. Специфический запах свежего мяса, крови, как на бойне после работы мясника, который доминирует и доводит до тошноты.

В предместьях Бриньковской — толпы пленных. На пустынных улицах попадаются баррикады из школьных парт, мебели, бричек. Дома с закрытыми ставнями, отбитой пулями штукатуркой — вымерли, ни одного жителя...

На большой церковной площади мы присоединяемся к та- чанкам команды и тотчас же заворачиваем в первый попавшийся двор, чтобы там разобрать, почистить два захваченных пулемета, установить их на подводах, назначить людей на каждый и мчаться дальше. Начальник приказал мне, никогда не державшему вожжей в руках, быть ездовым. Но при первом же опыте в этом амплуа подвода цепляется за ворота колесом, и меня от- ставляют, назначив вторым номером на «Максим», сегодняш- ний большевистский трофей, который без щита и не внушает особого доверия.

Вылетаем за станицу мимо громыхающей батареи, так что лошади шарахаются и несутся дальше, туда, где слышится гул

продолжающегося боя. Настроение — самое паршивое: после всех недавно виденных картин поля битвы мы знаем, какая участь ждет нас. Все притихли, и только один Гришка, хулиган-рыбак из Еникале, продолжает шутить и все обращать в смешную сторону, но неудачно.

Остановились гуськом под заборами большого хутора на улице, запруженной тачанками, лошадьми и ротами второго батальона в ожидании с минуты на минуту быть двинутыми в бой.

Что осталось от батальона, жутко смотреть! Старых, бывших из Крыма, почти не видно, большинство — низкорослые пленные, влившиеся в полк четыре дня тому назад, да и то от 150 человек средним числом в каждой роте осталось по 40—60. Адьютант командира батальона убит, много знакомых солдат и офицеров — тоже. Дивного коня полк. Логинова, на котором он любил гарцевать, уже нет.

Все понурые разлеглись у хат под плетнями, молча прислушиваясь к приближающемуся свисту все время посылаемых нам снарядов, которые рвутся близко в садах, а большинство зарывается в землю без всяких результатов. Особенно сильно обстреливается стадо на полянке, может быть, принятое за батарею. Коровы с удивлением оглядываются на вздымаемую черную землю и продолжают мирно пощипывать траву.

На душе тяжелый гнет мрачных предчувствий чего-то страшного, что должно вот-вот свершиться. Ясно сознаешь, что попал в замкнутый круг, из которого нет человеческой возможности вырваться, что почему-то именно сегодня будешь убит или смертельно ранен.

А там, в Крыму, течет мирная жизнь... Если бы вдруг, по чудодейственной силе перенестись сейчас домой... Что делается там в этот момент, что думают, чувствуют ли? Лучше скорее настала бы эта минута вступления в бой, ожидание становится невыносимым!.. Нет, пусть она хоть немного будет отсрочена!.. Так хочется жить!

С улицы, попавшей под обстрел, мы выезжаем в соседний двор, чтобы не быть ясно видимой целью для артиллеристов-наблюдателей. Телеги располагаются среди густой зеленой травы у амбаров, а мы заходим в хату, озираясь по всем углам, не запрятался ли кто-нибудь, т. к. единственный хозяин не внушает доверия. И здесь, как везде раньше, бросалось в глаза то, что из домов жители разбежались «по степу», остались только старики, иногда даже никого.

Мы поели огурцов и дынь, все, что нашли в хате, и в напряженном состоянии духа ждем, что дальше будет. Солнце зашло за гладкую зеркальную поверхность лимана, поросшего камы-

шом у низкого берега, шагах в 30 от нас. На горизонте длинные остроконечные косы полиловели. В конце концов, когда уже совсем стемнело и все предметы получили свою таинственную голубовато-зеленоватую окраску от взошедшей луны, нам приказали выезжать на ночевку назад, в Бриньковскую. От сердца отлегло: значит сегодня мы еще живем!

Опять большой двор, стоги соломы, несколько хат и сараев, кругом бесконечные зачарованные луной сады, деревья, бросающие бархатно-черные тени, лежащиеся на землю замысловатыми пятнами и переплетениями.

Бывал я в украинских деревнях, видел села Великороссии, Польши, но кубанские станицы во многом отличаются от них, имеют своеобразную красоту. Все здесь выкроено по гораздо большему масштабу: улицы раза в три шире наших обыкновенных городских; площади с высокими церквями, окруженные двухэтажными кирпичными зданиями, — необъятны; каждый двор с несколькими домами и амбарами, колодцами, садом, сельскохозяйственными машинами представляет из себя целую экономию. От всего веет богатством, обилием, зажиточностью.

Ни одной, кажется, ночи не было, чтобы удалось поспать как следует; так и теперь нас неожиданно будят часа в два, впрягают лошадей, и опять с потоком обозов покидаем Бриньковскую и двигаемся по степям. Обгоняют и проносятся мимо одни за другими кубанские полки, то астраханские (сплошь калмыки), то артиллерия.

От бессонницы и переутомления все это кажется не реальными картинами, а сном во мгле, вздымаемой копытами пыли и туманной дымке от ночной сырости. Несмотря на постоянные толчки и быструю езду дремлешь сидя, свесив ноги; клюнешь носом и опять очнешься. Так я пришел в себя, когда мы ползли по темным улицам какой-то станицы. Это была Ольгинская, из которой мы выехали только утром прошедшего дня. А по нашим пятам в нее вошли большевики и чуть не захватили все обозы.

В общем игра в ловитки продолжается: товарищи гоняются за нами, мы преследуем их, и каждую минуту можно попасть нежданно-негаданно в шупальца «Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» и тогда действительно будет: «Режь публику!»

На этот раз прошли без всяких остановок всю Ольгинскую, добрались и перешли полотно железной дороги, держа путь по полям. Начало светать.

«Это будет последний и решительный бой»

Из далекой, густой желто-лиловой мглы горизонта все время вспыхивают молниевидные зловещие огоньки орудий нескольких бронепоездов, которые усиленно занялись посыпанием нашей движущейся колонны гранатами, шрапнелью и то и дело меняют позиции. Цель для них — идеальная. Не знаю нарочно или случайно, мы идем в общей сплошной массе, разлившейся широкой черной лавой далеко по степи. Тут все и всё перемешалось вместе: полки пехоты, кавалерии, бесконечные обозы, артиллерия, даже брички с женщинами и детьми.

Картина, напоминающая толпу и сутолоку огромной ярмарочной площади в праздничный день, где яблоку негде упасть. Может быть, приказано было так двигаться, иначе нельзя было, во всяком случае не нам знать это, — пешкам, рядовым пулеметной команды 2-го батальона Алексеевского полка!

А снарядики в изобилии летят сюда! Большинство, к счастью, давая перелет или недолет. Но нет-нет да и разорвется одна-другая, уничтожая людей, лошадей, подводы; или злобно фыркнет и зашипит совсем низко шрапнель, застучит по земле град картечин и послышатся крики и стоны тех несчастных, кто подвернулся под это место.

Странно, что никакой паники не замечается. Все спокойно идут, постоянно меняя направление. Видно, мы вошли в более близкое соприкосновение с противником, т. к. в воздухе послышался тонкий свист массы летящих пуль, по земле запрыгала пыль...

Рокотали пулеметы... Тотчас же, как по мановению волшебной палочки, в этом перемежавшемся стаде произошла необходимая перетасовка: обозы очутились где-то сзади в прикрытии скирд и возвышенностей, артиллерия заняла позиции, казаки мчатся уже далеко по полям в обход, пехота растянулась в несколько цепей и пошла.

Но это не было наступление, а — отход к морю, — начало конца похода на Кубань 1920 года, десанта, продолжавшегося всего 2 недели и несколько дней.

Нашим двум пулеметам выпала роль прикрывать отступление 2-го батальона. Подводы то и дело останавливаются недалеко одна от другой, открывается огонь по кукурузе и подсолнухам, откуда потрескивают пулеметы, щедро посыпая нас пулями.

Я усиленно поправляю быстро ползущую в приемник ленту, выравниваю патроны, полулежа на дрогах и зарывшись головой в металлические ящики. Закрывающего щита нет, пуле-

мет работает отвратительно, все время задержки из-за поперечного разрыва гильзы.

В конце концов, спускаемся в большую ложину, Арбузову Балку, и часа на два останавливаемся с другими боевыми тачанками под прикрытием возвышенности. Пули дают перелеты саженьх в 5-ти от нас. Не обращаем внимания. Однако одна из них ранит в ногу командира полка полк. Бузуна, сидящего со штабом на линейке.

Видно, товарищи придвинулись уже близко. Вылетаем из балки на бугорок, разворачиваемся и стреляем по высоким скирдам шагах в тысячи; на их верхушках копошатся черные фигурки наблюдателей. Вот правее на дороге показались три всадника, вероятно, конная разведка.

Прицел 12, секунд 5 мушка наводится под прорез прицела, выпускается очередь..., один из большевиков перекувыркивается с лошади, остальные тотчас же скрываются.

Спешим отходить к холму с большими стогами соломы, домами, сараями, по гладкой равнинке, покрытой сухим илом. Столбики пыли пляшут кругом. Пешие кубанцы отходят, через несколько шагов останавливаются и отстреливаются.

Скоро наши пулеметы трещат уже из-за стен сарая наверху; минут пять. И отступление продолжается с бугра на широкую равнину к хутору Кирпили, виднеющемуся у горизонта. Роты залегли поперек дороги. Командует полк. Логвинов, во весь рост стоя за цепью: «Рот-ааа... пли!» Залп. Потом второй, третий... «Встать!» и опять назад.

Наконец, мы отъехали далеко и стали у дороги, а пулеметы поручика Дараганова — напротив. Гремят неприятельские пушки, и снаряды рвутся по полю там, где виднеются массы обозов и кавалерии, входящие в Кирпили, синеющие среди маленьких озер, ослепительно блестящих на солнце; это — лиманы.

Черные разрывы можно заметить и в самом хуторе. Но сразу орудия замолкают, и жутко стало от наступившей тишины. Ясно, что противник передвигает батареи поближе к нам, на холмы, недавно оставленные нами. Там у скирд и построек копошатся черные точки. Что-то тихо подкрадывается оттуда, жуткое...

Через некоторое время заговорила артиллерия с более близких позиций, имея целью Кирпили, а потом дорогу около нас, по которой не спеша рысью шли вперед кубанцы. За ними потянулась пехота и гуськом, по-ротно начала наступать.

Мы направились круто влево и доехали до ложинки, поросшей камышом. Нас заметили и взяли в обстрел невидимые большевики. Мы отбились от остальных, и дело может плохо кончиться. Мчимся по крутому кочковатому уклону, к зарослям,

так что подвода совсем накренилась, еле удерживаешь прыгающие от толчков ящики с лентами.

Камыши остались позади. Мы выехали у тех самых строев, где задерживались часа два тому назад, миновали мостик и очутились на равнинке, образующей к фронту возвышение в виде вала. Здесь залегло несколько рот. Ожесточенно отстреливаются.

Товарищи с близкой дистанции из подсолнухов развили ураганный пулеметный и ружейный огонь, нанося сильное поражение «белым». То один, то другой из последних вскрикивает, тяжело раненный, умоляя оттащить его назад, а то судорожно содрогается без стопа и лежит неподвижный: убит...

В такой обстановке нет возможности даже обращать внимание на этих несчастных, наверняка, обреченных на ужасную участь. Стрелять прямо с подводы из пулемета без щита — немисливо. Два раза делал попытку выкатить его на руках и открыть огонь с бугорка, но неудачно. Продержались так минут 5. Сразу пехота бросилась в беспорядке бежать назад, пулеметы за ними, посыпаемые ливнем пуль. Мы пригнулись, крепко уцепившись за подводы, чтобы не вылететь от страшных толчков. Чуть не вывернулись на мостике. Очутились у строев, где остановились, повернувшись задом к фронту, чтобы выпустить хоть несколько очередей для облегчения отхода.

Таким образом, несколько повозок и бегущие роты явились на горке идеальной целью для большевиков. Результаты тут же сказались. У поручика Дараганова убило обеих лошадей. Моментально он занялся перетаскиванием пулемета к нам, на что ушло минуты две, но было вполне достаточно для причинения большого урона. Мой поручик (1-й номер на «Максиме») всплеснул руками, вскрикнул и покотился по пыли. За ним несколько солдат. Потом убило одну из наших лошадей.

Будучи вторым номером, я, как полагалось, только что хотел заменить выбывшего первого, как вдруг растянулся от сильного удара по правой ноге. Поднялся, желая сделать несколько шагов, но нога болтается, как тряпка. Нестерпимая острая боль; что-то теплое уже струится и пропитало насквозь брюки. Кровь! При одном виде которой мне делалось дурно.

Я увидал, как все поспешно усаживались на подводу, а немало в отдалении — быстро наступающую цепь красных. Еще несколько минут промедления, и погиб безвозвратно, — как молния пронеслась мысль. Тут все обмороки забылись! Собрав последние силы, я сделал два-три скачка на одной ноге и вскарабкался на трогаящиеся уже дроги. Несколько пуль еще стукнуло по пулемету, ранило одного солдата в спину, но мы неслись га-лопом по дороге, удирая одними из последних на Кирпили.

В страшной давке и тесноте невозможно было даже сидеть. Я как-то висел, полулежа, уцепившись одной рукой за пулемет, а другой за шею возницы. Нога то и дело болталась по земле, причиняя адские боли. Начало подташнивать, шуметь в голове, зарябило и помутнело все. Закрыв глаза, чтобы не дойти до обморока. Грохотали орудия где-то под самым носом, рвались снаряды, свистели пули, но все дальше и дальше, пока не въехали в Кирпили.

Только вечером доставили меня к домику, где помещался перевязочный пункт. Положили на солому в маленькой комнатке. Жарко, душно... Человек семь тяжело раненных стонут и хрипят, в особенности один офицер (встречался с ним в Керченской крепости) с простреленным животом, умоляет дать воды, не сознавая, что это — смерть. Мне разрезали брюки, ботинки, обмыли ногу, смазали йодом, перевязали, записали в какую-то книгу, и я впал в забытие.

Очнулся поздно ночью. Горит свеча. Нас только двое. Несколько успело умереть, других увезли. Перевязочных средств больше нет; почти все части ушли. Молю фельдшера не бросать меня здесь, а в голове мысли: «Может быть, через полчаса придут они, что делать, неужели капут?»

Прошло еще много времени. Фельдшер возвращается и говорит: «Есть подвода, но у вас тяжелое ранение, выдержите ли дорожную тряску?» «Выдержу что угодно, только ради Бога скорее грузите!»

Уложили на шинели, дали сопровождать какого-то красноармейца и поехали в поисках Алексеевского полка. От толчков на кочках и рытвинах такая боль, что постоянно теряешь сознание.

Добрались до ст. Гривенской. Искали безуспешно своих во всех концах среди расположившихся здесь войск. Выехали опять в степь под сильным дождем, так что я промок до ниточки. Наконец, вознице надоело возиться со мной, и я очутился в поле, прямо на голой земле, с пленным, чтобы тот утром продолжал поиски и постарался доставить меня, куда нужно.

Моей шинели и фуражки уже и след простыл, какая-то заботливая рука, видно, постаралась.

14 августа

Дрожа от предутреннего холода и сырости, я проснулся. Совсем рассветало, и скоро пурпурный диск солнца медленно начал выползать из густой лиловой дымки горизонта. Я лежал около дороги близ кучки спящих пленных. Дальше расположились обозы, кавалерия, которые через некоторое время тронулись, проходя мимо меня. Это были одни из последних уходя-

щих частей. На все мольбы взять меня отвечали отрицательно, т. к. мест нет, а главное я не их полка.

Надежды на спасение все таяли. Отчаянное чувство своей полной беспомощности! В хвосте повозок показалась одна, переполненная тяжело раненными, окруженная офицерами с синими погонами и околышами. Алексеевцы! Свои! Меня услышали, подобрали и уложили на соломе.

Через час мы были в ст. Новониколаевской и поместились в полевом госпитале (если можно его только так назвать). В нескольких комнатах станичной школы, прямо на грязном мокром полу, вповалку лежали люди. Только у кого были шинель или одеяло — могли подстелить. Врач даже не показывался, только сестры усиленно хлопотали и нервничали, т. к. оказать помощь стонущим и требовавшим раненым невозможно было за отсутствием перевязочного материала и медикаментов.

Все интендантства были брошены 5 дней тому назад в Ахтарской, отрезанной неожиданно большевиками обходным маневром и высадкой с моря. В нужную минуту все наши суда отсутствовали. Ценные подарки специально привезли товарищам из Крыма!

Из разговоров узнали, что «драп» идет всюду. «Генералиссимусом» по эвакуации назначен ген. Ставицкий. Благодаря Ахтарской 9 августа, мы делали большой крюк и выдержали последние бои, пробиваясь к морю на новое место высадки. Глубоко ночью нас разместили на подводах, и длинная вереница их потянулась по проселочным дорогам в серебристую мглу освещенных полною луною туманов.

15 августа

Плетемся бесконечным караваном возов, переполненных ранеными. От толчков на кочках и ямах такая боль, что почти теряешь сознание (происходят перемещения переломанной беренной кости). Еды никакой; да и не хочется. Мучит жажда, а пить нечего, пока не добрались до речонки Протоки и с отвращением глотали сладковатую тошнотворную воду.

Движение продолжалось вдоль реки с медленно ползущей водяной гладью, отражающей прибрежные домики, скирды, деревья. Тучи комаров облепливают все лицо, руки и жалят нестерпимо. Закрываешься тряпкой, но ненадолго. Духота и жара не дают возможности дышать.

Все лошади стали. Отдых. Будут варить обед и перетасовывать раненых. Более легкие поедут тем же порядком, а тяжелых на барже повезут к морю. Погрузка последних закончилась к вечеру.

Меня внесли в трюм и уложили, как всех остальных, на зерне. Жутко смотреть на окружающих несчастных людей, стонущих, требующих, проклинаящих все и вся. Медицинской помощи — никакой. Один юнкер, совсем еще мальчик, раненный в живот, весь вечер и ночь в бреду кричал: «Мама!», не узнавая ухаживающего за ним отца, полковника. На следующее утро его остывающий труп и некоторых других вытащили через люк надо мной на палубу.

16 августа

Утром баржа дошла до устья речонки у поселка Ачуево. До нас донеслось далекое и приближающееся жужжание пропеллера. «Советский!» — пронеслось из уст в уста. Последовало один за другим несколько оглушительных взрывов бомб. Поднялась паника среди беспомощных людей. Думали, что уже спасены, а тут все разлетится в хаосе ужасной смерти. Через несколько минут успокоились — аэроплан улетел.

Все несчастье состоялось теперь в том, что не было возможности подойти к далеко стоящему пароходу. Имелось только две шлюпки. Начали перевозить по 3—4 человека, а нас около 500. Так может тянуться до бесконечности.

В полдень пришел катерок и на буксире потащил баржу в море. У всех был напряженный страх и волнение: «Сядем на мель, и дело пропало». Но слава Богу обошлось благополучно, мы уже у борта парохода. Перегрузка идет довольно быстро. Лежащих кладут на маленькую деревянную площадку с цепями для подъема багажа, и первая лебедка опускает их в глубокий железный трюм для лошадей.

Хотя и твердо лежать голым телом в одной рубашке на полу, впиваются в тело заклепки, и такая слабость от раны, усталости и голода, что трудно пошевелиться. Голос изменился до неузнаваемости, но сознание того, что мы сейчас уже вне опасности, едем туда, в родной Крым, бодрит и придает силы.

17 августа

Утром пришли в Керчь. Медленно началась разгрузка только части раненых, остальных вечером везли в Ялту. Я очень плохо чувствовал себя после всех передряг, отказался ехать даже домой, просил выгрузить здесь. Только вечером одним из последних меня подняла лебедка и осторожно опустила на пристань.

Окружила толпа баб, девчонок, мальчишек — керчан, которые своим вниманием тронули до глубины души. Угощали супом, дали на дорогу яиц, яблок, хлеба. Побежали разыскивать и привели подводу, на которой я был доставлен в 4-й вре-

менный полевой госпиталь. А там..., как везде: перевязки, операции; большие комнаты с длинными рядами белых кроватей со страждущими несчастными людьми.

18 августа

Пулеметчик М. А. Россинский из города Керчи в 23.00 посылает отцу телеграмму: «Срочно Россинскому Джалита Ялта Бог спас меня ранен пулей ногу неопасно лежу 4 военном госпитале приезжайте за мной целую».

ЛИНИЯ СВЯЗИ НА ПОЛЕ БОЯ

Из дневника телефониста А. Судоплатова

Перед Кубанским десантом наш полк вошел в Сводно-пехотную дивизию. Командиром этой дивизии был назначен ген. Казанович — старый алексеевец, командовавший нашим полком в 1-м Кубанском походе. 23 июля был парад. После него генерал, обходя строй, здоровался и разговаривал со старыми алексеевцами.

29 июля под вечер на набережной Керченской крепости полк выстроился в каре. Был отслужен молебен, после чего началась погрузка. Ночью полк поплыл в десант.

1 августа. Высадка десанта.

Утро ясное, море спокойное. Весь флот идет вместе. В тумане видна полоска земли — это Кубань. Там большевики.

Мы идем медленно вдоль берега. Рядом с нами другой пароходик тоже тащит баржу, на ней казаки-бабиевцы, с лошадьми. Наша и их баржи высаживаются первыми и поэтому отделяются от остальной флотилии и приближаются к берегу. Уже видна Бородинская коса и на ней хуторок Бородин.

Наш катер подошел версты на полторы к берегу и остановился.

— Мель, не могу идти! — кричит с катера капитан. Приходится искать другое место. Казачья баржа уже близко к берегу.

— Та-та-та-та, — раздалось с берега. Казаки не выдерживают. Их человек 15—20, выводят лошадей на палубу и толкают их в воду. Сами, голые, с винтовкой и шашкой, бросаются за ними в воду. Рвутся на свою Кубань.

— Ну, что вы там? — нетерпеливо кричит наш командир полка, волнуясь, что катер наш медлит.

— Не можем идти дальше! — кричат нам с катера.

— Какая глубина?

— Восемь футов.

— Господа! — кричит командир полка. — Кто умеет плавать, прыгай в воду и тяни за канат на буксире баржу!

Через 10 минут человек 200 пловцов тянули баржу к берегу. От баржи идут два каната, за каждый из них уцепилось человек сто и тащат с криком «Ура!». Из воды торчат головы да взмахивают сотни рук, как будто в воде копошится огромное чудовище. Баржа медленно движется к берегу, наконец, стукнулась о песок.

— Все раздевайся! — крикнул нам командир полка. — Бери только винтовки, пулеметы, патронники и диски. Сноси все на берег. Затем обратно за одеждой. Не суеться, но быстро! — добавил он.

Оделись быстро и, взяв каждый по аппарату, винтовке, всей выкладке и по 2 катушки, пошли к хутору. Идем через бахчи, рвем дыни и арбузы.

— Та-та-та-та, — затрещало из кукурузы.

— Ура! — вспыхнуло где-то в роте. Пулемет умолк. Он уже наш, красные удрали. Мы уже отошли верст 5 от берега. Моря уже не видно. Рассыпались в цепь.

— Та-та-та-та, — опять затрещал впереди пулемет.

— Трах-тах-тах-тах, — затрещали ружейные выстрелы. Очевидно, тут дело более серьезное. Цепи легли. Правый фланг пошел в обход.

Поручик Лебедев, начальник команды связи, подозвал меня:

— Здесь будет промежуточная телефонная станция. Немедленно отсюда ведите линию на хутор Бородин и оставайтесь там до моего приказания.

Взяв аппарат, винтовку и 2 катушки, я понесся напрямик через бахчи и кукурузу. Прихожу в Бородин, включил в линию аппарат. Тут уже находился только что высадившийся штаб дивизии. Подошел ген. Казанович, наш начальник дивизии.

— А вы что, с позиций? — спросил он меня.

— Так точно, Ваше превосходительство!

— Алексеев?

— Так точно, Ваш-дитство!

— Молодец! — похлопал он меня по плечу. — Алексеевцы всегда были молодцами!

Он взял трубку и начал говорить по телефону с командиром полка.

— Ахтарская — наша! — воскликнул он, бросая трубку. — Передайте немедленно генералу Улагаю на миноносец! — приказал он дежурному офицеру.

3 августа. Отдан приказ в 8 час. утра перейти в наступление.

...Прошли уже верст 15, видна ст. Ново-Джерелиевка. Уже перевалило за полдень. Раздались выстрелы. 1-й батальон рассыпался у железной дороги, 2-й пошел далеко в обход. Подъехал с ординарцами командир полка. Он влез на скамью дрезины, чтобы лучше наблюдать. На вокзале станицы показался дымок и начал приближаться к нам.

— Очевидно, бронепоезд, — с некоторой тревогой произнес командир полка, — а наших орудий все еще нет, все еще выгружаются! Дайте Ахтари! — обратился он ко мне.

Грянуло орудие. Снаряды начали ложиться около цепей. Нам приходится туговато. С винтовками нам с бронепоездом не потягаться. Бронепоезд уже виден, он выходит из станицы. Цепи наши, то, было, ретиво двинувшиеся вперед, залегли и не поднимаются. Около нас со страшным грохотом разорвался снаряд. 1-й батальон не выдержал и стал отходить.

Вдруг командир полка встрепенулся.

— У вас, кажется, есть ключ для гаек? — спросил он нас. Мы ответили утвердительно.

— Садитесь на дрезину и езжайте вперед, пока возможно, и постарайтесь развинтить рельсы!

Дьяков вскочил на дрезину, я вскочил за ним. Мы нажали на передачу и быстро помчались под уклон, навстречу бронепоезду. Красные сосредоточили по нас огонь, пули визжат. Жду — вот сейчас щелкнет в лоб! Мы уже обгоняем наши цепи. Они уже далеко позади.

Мы уже вблизи станицы. Дьяков соскочил с дрезины.

— Тормози! И где ключ? — кричит он, догоняя дрезину.

Принялись отвинчивать гайку. Но это оказалось не так просто: гайка вертится вместе с болтом. Одним ключом ничего не сделаешь, а второго у нас нет. В это время два снаряда разорвались с визгом около нас. У меня самого развинтилась «гайка». А Дьяков кричит:

— Надо что-то сделать!

— Давай перевернем дрезину, — кричу я ему. — Может, это все-таки немного задержит бронепоезд!

Мы сняли дрезину с рельс, поставили ее поперек путей и, пригнувшись, быстро побежали обратно. Командир полка поблагодарил нас за находчивость.

...Наши цепи отошли шагов на сто и залегли. Бронепоезд стрелял, но не двигался дальше. Может, предполагали, что мы подложили под рельсы шашки.

Уже солнце садилось, когда по дороге поднялось облако пыли, которое быстро приближалось.

— Батарея! Алексеевская батарея! — раздались радостные крики. Батарея неслась карьером. Быстро снялись с передков. Уже наводят орудие.

— Ай да молодцы! — раздаются похвалы.

Первый снаряд разорвался около самого бронепоезда. Наверное, задел его. Ура, бронепоезд удирает. Наша батарея начала бить по вокзалу. Цепи наши начали делать перебежки. Правый фланг уже вошел в станицу. Мы опять поставили дрезину на рельсы и двинулись вперед.

Влево от нас по дороге движется конница. Она несется рысью с черными знаменами, с красно-черными значками и волчьими хвостами. Это конница Бабиева, которая только сегодня полностью выгрузилась. Конница превосходная. Ну, теперь красные уже не страшны нам!

4 августа. Часов в 7 утра двинулись по жел. дороге. При выходе из станицы гляжу, наши бегут на курган. Я понесся туда тоже. Оказывается, на кургане зарыты наши взятые в плен гренадеры, которых, рассказывают местные жители, здесь ночью красные рубили. Жители говорят, что они видели, как командира батальона и одну сестру милосердия красные погнали дальше, на станицу Роговскую.

...Идем уже около часу. Солнце отчаянно печет, пить хочется. Вправо маячит хуторок. Несколько человек помчалось туда напиться воды. Я тоже понесся туда. Подбегаю к крайней хате. Здесь несколько человек наших окружили какую-то бабу.

— Да ты говори толком! — кричал ей один офицер. — Белый он или красный?

— А Господь его знает! — говорила перепуганная баба.

— Да где он? Веди нас к нему!

Баба повела нас за собой в амбар, указала на заком.

— Братцы, товарищи! — раздалось из закома. — Я ранен...

— А ну-ка, вылазь! — крикнул тот же офицер, заглядывая в заком. — Да это же наш! — воскликнул он. — Это же капитан Соловьев!

— А вы... наши... свои... — залепетало в закоме. — Господи, благодарю, благодарю Тебя!

Из закома, едва не падая от слабости, вылез капитан Соловьев 3-го Гренадерского батальона. Лицо у него было все в крови, он был почти голый.

— Свои, свои! — крестился он и плакал.

Он кратко рассказал, как красные взяли в плен их батальон, раздели всех и начали рубить. Ему разрубили ухо и часть черепа, но он все-таки был жив и притворился мертвым. Ночью его подобрал крестьяне и спрятали в заком.

Ну и пережил же он! Я забыл про воду и понесся к своим сообщить эту новость.

...Уже вечерело, когда мы подошли к ст. Роговской. Крас-

ные оказывают сильное сопротивление, их бронепоезд отчаянно бьет по цепям.

...В конце концов ворвались в станицу. Красные бежали.

5 августа. Подходим к Тимашевке. Красные открыли огонь, они сосредоточили огонь по нашим обозам, которые не выдержали и убегают. С вокзала бьет их бронепоезд тяжелыми снарядами. Орудия наши бегло бьют по вокзалу. Наши батальоны наступают на станицу. Красные вышли из станицы и наступают на нашем правом фланге. Они пытаются нас обойти. Наш 2-й батальон отходит. Наши орудия перенесли огонь на правый фланг.

Командир полка наблюдает за боем. Он стоит на дрезине и смотрит в бинокль. С тыла откуда-то летит аэроплан и бьет из пулеметов по нас. Бронепоезд начал бить тяжелыми снарядами по нашей дрезине.

Вот-вот угодит. У меня душа ушла в пятки. Но командир полка не шелохнется, твердо держит в руках бинокль и медленно диктует адъютанту донесение для ген. Шифнер-Маркевича.

Бой затягивается. Уже закрадывается сомнение, возьмем ли мы Тимашевку.

Вдруг в тылу поднялись облака пыли. Приближается какая-то колонна. Не то конница, не то пехота. Что такое? Откуда?

— Не может быть, чтобы это были красные! — говорит немало взволнованно командир полка своему адъютанту, направляя туда бинокль. — Не могут они так быстро и незаметно нас обойти! — Все-таки он приказывает немедленно снять с передовой линии два пулемета и направить против приближающейся колонны.

«Вот будет сейчас жара!» — подумал я. — Ведь у нас только 2 батальона и одна батарея, да и люди все устали страшно.

Вдруг видим — по железнодорожной насыпи бежит к нам какой-то солдат. Запыленный, потный, весь черный. Это юнкер константиновец.

— Где командир Алексеевского полка? — кричит он.

— Здесь! Здесь!

— Г-н полковник! — прикладывая руку к козырьку и запыхавшись, докладывает он. — Константиновское военное училище прибыло к вам на подкрепление. Начальник училища просит у вас инструкций.

Слава Богу! Наши просияли, вздохнули спокойней.

— Пожалуйста, передайте начальнику, — говорит успокоившийся полковник Бузун, — рассыпать училище правее нас и охватить станицу с правого фланга!

Через 20 минут по всему полю правее нас шли юнкера.

Они рассыпались стройными рядами. Идут, как на ученье. Молодцы!

...Наши уже врываются в станицу... Мы уже на вокзале... Вбегаем в контору. Перепуганная барышня выглядывает из-за шкапа.

— Вы кто такая? — кричит на барышню Дьяков.

— Я... Я... телеграфистка.

— Здесь есть красные?

— Не знаю... они бежали... я ничего не знаю... — лепечет она, плача.

— Успокойтесь! Успокойтесь! — говорит ей Дьяков, усаживая ее на стул. — Мы не звери... мы не красные!

В контору входит прибывший сюда начальник дивизии, ген. Казанович.

— Аппараты целы? — спрашивает генерал.

— Целы! Целы! — говорит успокоившаяся барышня.

— Дайте мне Екатеринодар.

Барышня стучит.

— Передайте, — говорит генерал барышне, — «Белые обошли нас. Что делать с бронепоездом?»

Телеграфистка стучит, потом слышен стук ответа:

— Приказываю отойти!

— Прошу приготовить мне хорошую квартиру в Екатеринодаре! — диктует дальше ген. Казанович.

— Кто говорит? — читает барышня.

— Говорит генерал Казанович, — диктует начальник дивизии.

— Готова хорошая квартира, — медленно читает ленту барышня, — между двумя столбами с перекладиной.

Аппарат дает какие-то перебои.

— Что такое? — нетерпеливо спрашивает генерал.

— Ваше превосходительство... Ваше превосходительство... Я полковник Скакун. У меня тысяча шашек. Сейчас вышел из камышей, включился в провод и слышал случайно ваш разговор. Куда прикажете идти? — читает барышня.

— Идите в Тимашевку! — диктует генерал.

Аппарат перестал работать.

— Линия обрезана! — говорит барышня.

...В станицу входили обозы, батареи, команды, скорым шагом входило Алексеевское военное училище, оно опоздало к бою. Настроение у всех повышенное.

В группе обозов две клячи везут испорченный автомобиль. В нем, откинувшись на спинку сидения, развалился толстый господин во френче без погон, но по всему видно, что он бывший офицер. Рядом с ним молодая красивая сестра милосердия в

белой косынке. Оказывается, это захваченный бабиевцами командир красной дивизии с женой. Оба они сидели с закрытыми глазами, может быть, боясь взглянуть, ожидая, что вот-вот их убьют или зарубят. «Этот господин, — говорил какой-то офицер алексеевец, идя рядом с автомобилем, — говорят люди, приказал порубить наших гренадер». — «Ничего я не приказывал!» — процедил тот сквозь зубы и не открывая глаз. (После я слышал, что его в конце концов не расстреляли).

6 августа. Сегодня большой праздник — Преображение Господне. Вся станица празднует. У нас должен быть хороший обед, баба двух уток понесла из сарая. День солнечный, хороший. Нашему полку объявлен отдых. Слава Богу, хоть один день отдохнем. С утра я лежал под амбаром, написал все до настоящих слов, начинал с Ахтарей.

...По улице степенно гуляют старые бородатые казаки в черкесках с кинжалами. В станице мужчин средних лет нет: или молодые парни, или бородачи. И это во всех станицах на Кубани. Говорят, призывного возраста все мобилизованы и посланы на Польский фронт.

Иду на вокзал. Большую добычу наши захватили в Тимашевке. Много груженных составов. Целый состав — мастерские с полным оборудованием. Сегодня пригнали сюда тысяч пять пленных. Все уральцы Особой Уральской бригады — Пермские, Уфимские. Они страшно боялись: когда их построили на площади, думали, что их будут расстреливать. В наш полк зачислено тысячи полторы, в нашу команду попало человек 50. Им по станице собрали пищу и пока их охраняют.

7 августа. Сегодня рано утром разбудил нас орудийный выстрел. Подошедший красный бронепоезд начал обстреливать вокзал. Снаряды с воем несутся через нашу хату. Встаем. Стрельба прекратилась. Пошел в штаб полка. На площадь влетает на лошади казак и кричит: «В тылу красная конница!» Поднялась суматоха. По телефону запросили 2-й батальон, он стоял в конце станицы. Оттуда ответили, что на соседнем хуторе заметно какое-то движение. Один броневик покатил туда. Через час все выяснилось: наши брали на хуторе подводы; в это время откуда-то появились красные кавалеристы и разогнали наших.

Вот так война! Прошли 80 верст, а в тылу противник бродит! Нет, видно, нам со своими силами не сделать дела.

...Вчера ген. Улагай созывал здесь станичный сбор, разъясняя казакам положение. Казаки-станичники кричали «Ура!». Да толку, как видно, для нас от этого мало будет...

...Сегодня у нас в 12 час. дня парад. Принимать парад будет

ген. Бабиев; на площади в ожидании парада стоит его конница. Она только что пришла из Брюховецкой, разбив бригаду красных. Она имеет грозный вид со своими значками, черными знаменами и волчьими хвостами. Пришел наш полк. Пришли батареи, броневики, подошли Алексеевское и Константиновское училище. Все с нетерпением ждут Бабиева. Интересно его посмотреть.

— Смирно! — раздалась команда.

Не успели все сообразить, в чем дело, как вдруг из-за угла, как пуля, вылетел всадник и птицей пролетел по фронту.

— Здра-а-а! — закричал он.

— Здра-гав-гав! — загалдели казаки.

Я не успел рассмотреть его. Видел только мелькнувшую фигуру и руку в воздухе, другой руки, говорят, у него нет, и повод он держит в зубах.

Жду — сейчас пойдем церемониальным маршем, но почему-то тишина. Никакой команды... Заминка...

— Разойдись! — раздалась команда.

Удивительно. Почему же не было парада? Иду в штаб полка. Меня ловит пор. Яновский:

— Идите в команду, сейчас выступаем!

— Куда? Что?

— Неизвестно!

Быстро грузим на повозки аппараты, катушки, а в саду кипит борщ, неужели бросим его?!

Выезжаем на площадь. Бабиевцы уже выходят из станицы. Значки и конские хвосты грозно веют над колонной. Полк наш едет на подводах.

Но почему в такое время? Под вечер. И почему едем не вперед, а назад? Это уже совсем что-то непонятное!*

Ночевали в станице Роговской. Там были красные, но ушли.

* Как потом оказалось, пока отряд ген. Улагая отдыхал в Тимашевке, красные обошли ее и отрезали белых от моря и от Ахтарской станицы, где находилась база отряда. К тому же в самой Ахтарской военные корабли, пришедшие из Крыма, почему-то все ушли обратно в Крым, не оставив никакой охраны базы с моря, чем воспользовались большевики, высадили десант и заняли Ахтарскую. Восстановить положение была послана конница Бабиева и приданный ей Алексеевский полк. Несмотря на проявленный героизм, огромные потери и даже одержанные победы, очистить тыл от красных белым не удалось. Они не были побеждены, но и разбить красных окончательно у них не хватило сил. Красных было много, а белых (несмотря на взятых пленных) по сравнению с красными было чересчур мало. В течение недели шли непрерывные бои, белые брали пленных, трофеи, выбивали большевиков из станиц, шли дальше, а красные шли за ними по пятам, опять занимали только что занятые белыми станицы, и нужно было возвращаться назад и опять выбивать красных. (Б. П.).

8 августа. Выступили до рассвета. Бабиев, узнав, что где-то близко бригада красных, пошел ей в тыл. У нас был сильный бой в Гарбузовой Балке. Наши пленные, сибиряки и уральцы, дерутся хорошо. Наконец, красные побежали. Мы взяли в плен целый полк; пленных ведем больше, чем нас. Среди пленных наш Башлаев нашел соседа по квартире в Ростове.

Ночевали в Джерелиевке. А Роговская и Гарбузова Балка опять заняты красными. С Тимашевкой связи нет. Если завтра возьмем опять Роговскую, в Джерелиевке будут красные...

Ну и война! С нами движутся повозки с ранеными. Их некуда деть и негде оставить!

9 августа. Сегодня опять прошли Гарбузову Балку. Красные за нами следом заняли Джерелиевку. В общем, мы окружены кольцом красных. Связи ни с кем не имеем. Мы ли выбиваем красных из нашего «тыла», или они нас выкуривают — не разберешь. Бабиев посылает нас в одну сторону, сам мчится в другую. Нам жарко с ним работать. Конница на лошадях мчится, а мы пешком да на подводах не успеваем за ней. Лошади наши выбились из сил.

Бабиев нас послал на ст. Брыньковскую. По дороге подошли к какому-то хуторку. У хутора вырыты окопы, там красные. С нами батарея, она бьет по их окопам. Черти красные тоже здорово бьют. Мы лежим в траве. Стебли осота и будяка подлетают на воздух и шелестят от пуль. А у нас, как на подбор, у всех фуражки с белым верхом. Перебегаем ближе и ближе. Оглянешься назад, много наших осталось лежать неподвижно навеки. Сестры милосердия ходят по цепи и делают перевязки. Одну убило (фамилии не знаю). Тяжело ранен командир офицерской роты полк. Непенин.

Мы бросились на ура. Пробегаем окопы, там никого, только лежат убитые.

Вдруг сзади, из камышей, бьют по нас. Красные отошли влево в камыши и пропустили нас. Мы отхлынули назад, расстреливаемые в упор. Много упало со стоном на землю. Полковник Логвинов бежит вдоль цепи. Его лицо перекошено гневом, борода растрепана.

— Батальон стой! — кричит он, испуская миллион матов.

— Ура! — опять вспыхнуло на левом фланге.

— Ура-а-а! — подхватили все и повернули обратно.

Перед хутором произошла короткая штыковая схватка. Красные удрали. Мы ворвались в горящий хутор.

Хаты, амбары, скирды хлеба объаты пламенем. Ружейная стрельба, треск горящего дерева, вой баб, бегających по дворам, рев коров и телят, бляение овец — все смешалось вместе.

Вокруг хутора валяются трупы красных. Два красноармейца лежали, как бы обнявшись; у одного оторвало левую ногу, у другого — правую.

Батальон остановился, пройдя хутор. Решили ночевать здесь. В темноте наступающей ночи виднеется зарево горящего хутора. Спим в поле. Вверху над нами ласково мерцают небесные лампочки. Природа неизменная, как всегда. Изменились только люди. Они спят, чтобы утром с новыми силами кинуться друг на друга в новую кровавую, может быть, для них последнюю схватку.

10 августа. Сегодня будем брать станицу Брыньковскую.

По очереди бегаем на соседний баштан за арбузами. Арбузы здесь громадные, сочные. Уже третий день по выходе из Тимашевки мы живем одними арбузами, почти без хлеба и воды.

...Перед Брыньковской поле ровное, как стол. Ясно видны хаты и колокольня. Из станицы затрещали пулеметы, но мы идем вперед. С нами в цепи идет много пленных. Они почти не ложатся. Даже командир полка один раз крикнул им: — Ложитесь!

— Чаво там, г-н полковник! — хладнокровно ответили они и шли вперед. Удивительные эти кацапы! Они и там дерутся отчаянно, и здесь молодцами.

Идет страшно жаркая перестрелка. Около меня ранило пленного. Он хватает руками траву и страшно стонет. Ползет фельдшер, рвет у него рубаху и хочет его перевязать. Фельдшер кричит мне:

— Приподнимите его и помогите пропустить бинт!

— Ой, бросьте, бросьте,— кричал раненый, царапая землю, — оставьте меня...— У него была рана в живот.

— Держите, держите! — говорит мне фельдшер. — И с вами может то же самое быть!

...Брыньковская уже взята нами. Наша команда едет на подводах. По дороге лежат убитые красные. Стоят воткнутые штыками в землю винтовки. Это красные сдавались нашей коннице.

Один молодой парень, раненный, очевидно, в грудь, — гимнастерка вся была в крови — протягивал руку и что-то кричал. Один из наших соскочил с подводы и подбежал к нему. Раненый схватился за голову руками, очевидно ожидая, что сейчас его заколют. Наш дал ему фляжку с водой. Раненый жадно припал к ней. Я долго оглядывался, он все не отрывался от фляжки.

...Догнали полк в степи. Полк шел опять на Джерелиевку. Темно. Наши подводы все время подсакивают. На дороге что-то лежит. Я соскочил с подводы для естественной надобности. Потом бегу за своей подводой. Споткнулся о что-то. Упал. Труп, другой, третий. Тут их масса. Это работа бабиевцев. Влез об-

ратно на подводу. Спать очень хочется. Я растянулся и заснул.

— Тра-та-та-та! — Что такое? — Стучит пулемет. Подводы стоят, все спят. В хвосте стрельба.

— Ура-а-а! — раздалось сзади. Пулемет стих. Подводы двинулись. Все спят, дремлют возницы.

Куда едем? Что происходит? Ничего не пойму. Опять стрельба, сквозь сон слышу залп. Подводы останавливаются. Залпы стихли. Прыгают повозки. Кажется, опять трупы. Мы движемся. Куда? Зачем? Кошмарная ночь. Спать страшно хочется.

11 августа. Утро солнечное, теплое. Красные нас совсем окружили. Мы идет цепью по высокой кукурузе. Вправо и влево белеют фуражки алексеевцев. Пули непрерывно шлепают по желтеющим листьям кукурузы. Наши кинулись на «ура». Красные отступают. Бабиев крошит их где-то справа. Мы бежим через бахчи. Обоз наш бешено понесся вперед и обогнал нас на полверсты. Наша батарея бьет на шрапнель по нашему обозу.

— Передайте на батарею: бьют по своим! — несется крик по полю.

Мы прорвались из окружения. Опять едем на наших повозках. Мы впереди, артиллерия в середине. Бабиев сзади.

Рядом с нами скачет на лошади артиллерийский офицер, он смеется и говорит:

— Знаете, за всю войну, с 14-го года, я сегодня впервые видел, как обоз понесся в атаку на неприятеля! Разве могли мы не обстрелять его, — шутит он, — когда увидели, что впереди наши цепей несутся повозки?!

Сзади затрещали винтовки. Бабиев пошел куда-то влево. Мы рассыпались в цепь.

12 августа. Целую ночь были в походе. Потеряли всякую связь с остальной группой. Настроение у всех паршивое. На казаков-повстанцев нет надежды. Правда, под Джерелиевкой, еще в начале похода, к нам присоединилось несколько партизан в соломенных шляпах с винтовками, но едва мы прошли их станицы, они дальше не пошли, а разошлись по домам. Их психология — свою хату отбил и довольно!

Днем прилетал аэроплан. Он кружился над нами и спускался все ниже и ниже.

— Наш! Наш! Ура! — раздались крики. С аэроплана сбросили вымпел. Длинные разноцветные ленты закружились в воздухе и отнесли вымпел далеко в кукурузу. Человек 50, как сумасшедшие, полетели туда. Вымпел нашли и понесли ген. Бабиеву. Через 10 минут весь отряд знал, что аэроплан прилетел от

ген. Улагая. Он стоит в ст. Старо-Ниже-Стеблиевской и приказывает нам идти туда. Это отсюда верст 30. Все вздохнули облегченно. Ну, теперь, если соединимся, все-таки нас будет больше.

Подъезжаем к плавням, за ними бугор, за которым виднеется колокольня. Очевидно, там какая-то станица. Через плавни плотина. Едва мы приблизились к плотине, как справа застучал пулемет, пули засвистали над нами. Слева показалась масса красной конницы. Видимо, поджидали нас здесь, чтобы загнать в болото, когда мы будем переходить плотину, и перебить всех. Алексеевцы рассыпались в цепи. Отбиваемся, пока повозки и бабиевцы переходят плотину. Командир полка полк. Бузун на лошади носится по цепи, за ним его молодой ординарец Пушкин с полковым значком. Вдруг справа раздалось «Ура!» и на нас ринулась лава красной конницы. Правый фланг начал отходить.

— Ни шагу назад! — закричал командир и поскакал туда. Вдруг командир склонился на бок и едва не упал с седла. Его ранило. Две красных тачанки вылетели вперед и начали осыпать нас из пулеметов. Мы бросились в болото. Я шлепал по болоту почти по пояс в зеленой грязи. Пули впивались в грязь, чмокая то сзади, то спереди. Слава Богу, выбрался на сухой бугор. Офицерская рота залегла на этом бугре, открыв огонь по красной коннице. Я тоже лег. Рядом плотина, а сзади станица, куда прошли наши обозы и бабиевцы. Красные перенесли огонь на станицу — гранатами.

...Мне приказано провести отсюда линию в штаб, в станицу. Из телефонистов я здесь один, где остальные, не знаю. В станице ад крошечный...

(Теперь, лежа на брюхе под повозкой в станице Гривенской и описывая этот день, я удивляюсь, как я вырвался из этого ада!)

...Вечером выступили дальше и ночью прибыли в ст. Старо-Ниже-Стеблиевскую, она же, по-казачьи, Гривенская.

13 августа. Стоим в Гривенской. Наконец, мы с остальной группой ген. Улагая. На Тимашевку, после нашего ухода, наступали красные. Юнкера со страшными потерями их отбили и начали отходить сюда.

Вечером прилетел из Крыма аэроплан и долго кружился над площадью. Наш Фоменко на треноге варил кашу. Аэроплан низко спустился, уже видно летчика. Фоменко снял фуражку и, махая ею, закричал вверх:

— Земляк, спускайся до нас вечерять!

Аэроплан действительно спланировал за станицей. На нем прибыл начальник штаба Главнокомандующего, ген. Коновалов, с особыми полномочиями.

За неделю первый раз спал спокойно, на площади под повозкой.

14 августа. Сегодня наш полк опять выступает на позицию. Позиция будет в 18-ти верстах отсюда, на реке Протока, в ст. Николаевской. Пор. Яновский посылает на позицию других телефонистов, нам разрешено отдохнуть. На позиции под ст. Николаевской идут жаркие бои. Бесперывно слышен гул канонады.

Сегодня лежал часа два на берегу Протоки. Берега, обросшие ивняком, круто обрываются к реке. Высокие осоки шумели своими серебристыми листьями. Их шум мне напомнил почему-то дом, осеннее время, сборы в училище. И мне стало грустно. Когда попаду домой? Настает осень. А конца нашей войне и не видно...

15 августа. Сегодня праздник Успения Божией Матери.

Около полудня поднялась в станице стрельба. По улице несутся повозки. Наши повозки тоже понеслись. Я вскочил на одну. Все летят, сломя голову. На улице крик: «Кавалерия!» Опомнились через час в камышах. Обозы пошли тихо. Не дай Бог быть с обозом — всегда наделают панику!

Оказалось, что красные по Протоке подошли на речных пароходах и высадили конницу. Она промчалась по улицам станицы. Наш раненый командир полка тоже вскочил на подводу, и с ним еще несколько человек. Они мчались по улице, отстреливаясь из револьверов. Фоменко, выскочив на улицу и увидев скачущего к нему буденовца, не растерялся, прицелился и сбил его. Теперь он едет на его лошади!

...Мы идет по дороге вдоль Протоки. Это единственная дорога к морю, с обеих сторон непроходимые — на много верст — плавни и болота, так что красные нас не могут обойти. Ночевали на хуторе. Там установили радиостанцию и вызвали Севастополь. Будто бы получили сообщение, что за нами из Крыма идут пароходы.

16 августа. Утром двинулись дальше. Я еду с обозом нашей команды. Наш полк же остановился у входа в камыши, недалеко от Гривенской, и будет там держать позицию.

Везде по дороге пленные роют глубокие окопы в две или три линии. Здесь, наверное, будем защищаться, пока не сядем на пароходы.

К вечеру подошли к морю. По правому берегу Протоки, по которому мы идем, не подойти к морю, тут сплошные камыши. Левый берег открыт, виден рыбацкий поселок (Ачуев) с маленькой церковью. Там будем грузиться. Целую ночь наши «понтон-

неры» строили мост через Протоку, на простых рыбацких челнах, а поперек их клали заборы, ворота, двери и всякий подручный материал.

17 августа. Перешли через новый мост. У места погрузки установили 2 баржи рядом. Сделали нечто вроде пристани, к которой могут подходить катера. Вдалеке стоят большие транспортные, они не могут подойти ближе — мелко. На них будут перегружать с катеров. Ген. Коновалов непрерывно присутствует на пристани. Он в белом кителе. В первую очередь будут грузиться кавалерия и артиллерия.

С позиции доносится страшная канонада, там наш полк.

18 августа. Утром прилетел большевистский аэроплан и бросил бомбы. Чуть было не попал в баржу, через которую идет погрузка. Погрузка идет полным ходом. Грузятся казаки. Главная возня с лошадьми: их приходится лебедками поднимать в море с одного парохода и пересаживать на другой. До нас очередь еще далеко.

19 августа. Мы стоим, как цыгане, табором. Повозки, повозки и повозки, везде костры. Жрать нечего, выдали знаменитую «керченскую» муку, из нее делаем «пышки» на морской воде; хорошо, солить не надо!

Сейчас грузят обозы. Лошадей берут всех, а повозки только казенного типа. Много подводчиков едут с нами, не решаются оставаться. А тем, которые пожелали остаться, вернули лошадей, и они поехали через мост на Гривенскую.

К вечеру опять донесся гром канонады. Снаряды рвутся беспрерывно уже минут двадцать. После такой стрельбы, боюсь, и места не найдешь от нашего полка.

С позиции прискакал наш ординарец с донесением. Мы его окружили, расспрашиваем.

— Там страшный суд! — махнул он рукой и опять ускакал.

Меня подзывает пор. Яновский:

— Сейчас же собирайтесь, поедете с Башлаевым на позицию.

Едем по старой дороге, за нами еще едет повозка с продуктами для полка. Позиция верстах в восемнадцати. Встречаем повозку с ранеными алексеевцами.

— Что там, на позиции? — спрашиваем. Машут безнадежно руками.

Мне начинает казаться, что нам с Кубани не выехать.

20 августа. Пишу в окопе. Вчера часов в 8 вечера прибыл сюда. За полчаса до моего прибытия наши отошли в новые око-

пы. Сейчас спокойно, но в окопах все сидят, боясь приподняться, так как красные в 200 шагах и тотчас же «посадят на мушкету». Правый фланг упирается в Протоку, у обрывистого берега. Левый фланг клином упирается в густой камыш и вязкое болото.

Часов в 12 дня наша батарея, стоящая в полуверсте за второй линией, открыла огонь. Красные начали отвечать. Их шрапнель рвется над окопами. Картечь с диким завыванием местами сметает бруствер. Наши приникли к земле. Потом красные начали бить на удар. У нас вдруг перебила линия. Иваницкий, собравшись с духом, выскочил из окопа. Я взял трубку. Линия не работает. Ах, вот заработала! Лезет обратно Иваницкий. Слава Богу, перебили всего в десяти шагах.

К вечеру все утихло. Кухня поздно ночью привезла обед и ужин разом. Обед не то, что на погрузке. Целый бык на 80 человек! Комары кусают, нет покоя.

21 августа. Ночь спали по очереди с Иваницким. Проклятые комары искушали страшно. Сажу на дне окопа и украдкой срисовываю полк. Логвинова.

...Сегодня в полдень была жаркая перестрелка, убито два офицера. Один из них приподнялся — вынимал что-то из кармана — и хлопнуло. Они, прикрытые шинелями, лежат в окопе.

Вечером со стороны красных понеслись крики:

— Завтра все будете у нас! Смерь белогвардейцам! Раздавим гидру контрреволюции! — отборная ругань и т. д. Слышалось пение, крики. Очевидно, там шло пьянство. У нас же было тихо — ни звука.

«Но тих был наш бивак открытый!»

А налево, в камышах, несколько человек роют могилку. Нужно хотя бы как-нибудь похоронить двух товарищей. Они уже начали разлагаться.

22 августа. Часов в 8 утра вдруг совершенно неожиданно справа, из-за Протоки, ухнуло орудие, и снаряды начали ложиться вдоль окопа. Красные, видно, ночью как-то переправили орудие на тот берег. Неужели исполняются их вчерашние угрозы: «Завтра будете все у нас!»?

Красные пошли в атаку. Полк. Логвинов, заменяющий командира полка, с утра у нас в 1-й линии. Он не выпускает из рук трубки.

— Батарея! — кричит он. — Сосредоточьте огонь по левому берегу, отвлекайте их батарею!

— Пулеметчики, на вас вся надежда! — кричал Логвинов на левый фланг, где наготове стояли четыре люиса.

— Оставьте аппарат! — махнул он мне и Иваницкому. Мы взяли винтовки и легли на бруствер.

Снаряды рвутся то впереди, то позади окопа, то падают в воду и поднимают водяные столбы. Но все внимание наше сосредоточено вперед, где между кустами и деревьями спокойно идут на нас красные. Они идут кучками. До них шагов полтора.

— Батальон, — закричал Логвинов, — пли!

Грянул залп из 80 винтовок и яростно зарокотали четыре люиса.

Боже мой, что получилось! Красные все пали на землю и, как раки, полезли в разные стороны. Многие кинулись в камыши, прямо в болото. Другие кидались в воду. Мы бешено стреляли, пулеметчики выпускали диск за диском. Уже красных и не было, а наши все стреляли!

— Разрешите в атаку? — кричали офицеры Логвинову, вылезая из окопа.

— Куда? Куда? — закричал он. — Назад!

Ночью наши лазили в разведку. Притащили одного красного, раненного в грудь. Он говорил, что у них перед наступлением все были уверены, что мы еще раньше покинули окопы.

Нас, телефонистов, 4 человека (я, Иваницкий, Башлаев и Солофийенко), дежурим в первой и второй линиях день и ночь, подменяя друг друга.

...Говорят, завтра кончается погрузка всех частей.

23 августа. Десять часов вечера, пишу при свете горящего кабеля. Все уже спят — утомились. Ну и денек был сегодня! С раннего утра красные буквально засыпали нас снарядами. У меня в ушах до сих пор стоит визг и треск от них. Не могу уснуть. Нам, телефонистам, пришлось особенно жарко. Как я остался жив, не знаю. Приходилось все время выскакивать из окопа и поправлять порванные линии.

Потом красные пошли в атаку, они покрыли всю поляну. У нас зарокотали пулеметы и открылась отчаянная стрельба. Пришло на помощь человек 30 с полк. Логвиновым из 2-й линии. Все лежали на бруствере и выпускали обойму за обоймой.

Красные, невзирая на потери, шли напролом. Одни падали, другие сзади лезли. Было жутко!

— Почему батарея молчит? — кричит Логвинов в трубку. Батарея! Батарея! Черт возьми! — орал он, ругаясь. — Связь! — прохрипел он, бросая трубку.

— Я, г-н полковник! — кричу я.

— В одну минуту батарею дать!

Я хватил моток кабеля, запасной аппарат и, забыв про снаряды и пули, колбасой несусь по камышам. Батарея в тылу в версте. Прибегаю, батареи нет.

— Где батарея? — кричу я солдату, который грузит повозку какими-то вещами.

— Сейчас ушла на погрузку.

— Как?.. Куда?.. Почему?..

— Не знаю, — флегматично ответил солдат.

Я быстро включил аппарат в брошенную линию — работает!

— Алексеевский полк! Батарея ушла на погрузку!

В ответ слышу такие ругательства, каких я никогда не ожидал от полк. Логвинова. Бегу обратно. Стрельба почему-то утихла. Какая-то зловещая тишина.

Смотрю — навстречу бегут наши, их всего человек 50.

— Тра-та-та-та, — опять засвистели пули.

— Полк, стой! — слышу голос Логвинова. Остановились и легли на поляне. Я присоединился к ним. Около часу перебежали назад, пока не влезли в свежие, для нас приготовленные окопы. Вечером из Ачуева прислали патронов, продуктов и два люиса.

Темно. Впереди стоит секрет. Все, прильнув к брустверу, спят, ведь устали страшно.

Иваницкий контужен, сидит и все время так странно мотает головой. Жалко нашего Башлаева. Его убило осколком гранаты. Он и другие убитые и раненые — человек 40—45 — лежат там... Их оставили там, когда покидали тот окоп. Бедняги — раненые! Но что наши могли сделать?..

24 августа. Часов в шесть утра мы покинули вчерашний окоп, так как красные открыли такой огонь, что нельзя было выдержать.

Наш последний окоп не вдалеке от моря, отсюда видна Ачужевская церковь и мост. Красные нас оставили в покое и бьют по мосту. Если его разобьют, мы погибли. Отсюда до места погрузки верст семь. Уже известно, что грузимся сегодня вечером. Набежали черные тучи. Поднимается ветер, море беспокойное. При ветре будет скверно грузиться.

Наши четыре люиса уже пошли через мост на ту сторону. Они будут обстреливать противника, когда мы будем отходить через мост. Уже отправили новых раненых на погрузку. Я сдал аппарат и кабель с ними. Мы остались с одними винтовками. Второй батальон — человек 30 — пошел на погрузку. Красные не стреляют; они, очевидно, отчаялись нас взять и ждут, когда мы сами уйдем. За 2-м батальоном на мост пошел 1-й батальон — остались только офицерская рота, человек 18. Едва только батальон взошел на мост, как красные с криком «ура» вылетели из своих окопов. Они, вероятно, не предполагали, что часть нас еще осталась на том берегу.

— Рота, пли! — крикнул капитан Осипенко, который остался старшим вместо Логвинова. Офицерская рота дала залп, другой. Красные отхлынули.

Наконец, поднялась офицерская рота.

— Не спеши! — кричит Осипенко. — Реже шаг!

— Рядами, господа, рядами, — слышен голос Осипенко.

— Через мост вольным шагом, не беги! Вторая полурота, стой! Пусть 1-я пройдет!

Красные открыли яростный огонь. Пули защелкали по мосту. Двух человек уже понесли на руках. Наступила наша очередь. Мы, человек семь, быстро перебежали по мосту. Наши 4 люиса, захлебываясь, трещали по красным. Мост был обмотан соломой и облит керосином. Два офицера стояли с паклей.

— Не отрываться, господа, скорым шагом! — кричит сзади Осипенко,* — ждать никого не будем.



Возвращение с десанта. Наша «Амвросия» под обстрелом с берега.

Рисунок с натуры А. Судоплатова.

Пулеметы наши все еще строчат. Над нами поют красные пули. Проходим Ачуевскую часовню, хутор — никого. Я оглянулся назад — мост был охвачен пламенем. Две лодки неслись вниз по течению, а остальные, разорвавшись на две части, колыхались у нашего берега.

Шел мелкий осенний дождь. Мы шли по вязкому песку к месту погрузки. Несем по очереди раненых, тяжелые люисы.

* Капитан Осипенко за оборону Протоки и за героически проведенное отступление был награжден орденом Св. Николая Чудотворца (Ред.).

Проходим место, где был лагерь: сломанные повозки, следы от костров, какие-то пустые банки, бумажки. Не поживятся красные тут, напрасно они так рвутся сюда!

Я вспомнил нашу высадку на Кубани, какой был теплый солнечный день. А провожая нас, даже природа плакала.

Идем не особенно быстро, раненые просят не качать их здорово.

На море стоят два судна: один миноносец и рядом небольшой пароход «Амвросий». У берега небольшой катерок, он перевезет нас на пароход.

Первыми высадились и последними уходим. Приехало 3 батальона, человек 800, а уезжает 2 батальона, человек 120. Человек 200 уехало раньше раненых.

Прощай, Кубань! Вероятно, навсегда!

ОТЦОВСКАЯ ХАТА

Покосилась отцовская хата,
Накренился обугленный тын, —
Не вернулся ушедший когда-то
С добровольцами белыми сын...

Говорили: за Черное море
Отступали на ста кораблях, —
Залегло материнское горе
Неспроста в поседелых висках!

Николай Кудашев.

6 АВГУСТА 1920 ГОДА В ЕКАТЕРИНОДАРЕ

Нижеследующие материалы взяты из Информационного листка Кубанской канцелярии — «Казак», № 8 за 15 марта 1949 года. Листок издавался в конце 40-х — начале 50-х годов XX века правлением общины кубанских казаков в Германии. Наши земляки, не попавшие под выдачу в СССР, находились в лагере Меммингене, Земля Бавария.

* * *

Однажды весной 1924 года ко мне пришел знакомый инженер-строитель К. Он был чем-то настолько взволнован, что, зная его всегда чрезвычайно выдержанным, я не мог не заметить его состояния.

Происшедшее с ним событие могло потрясти только «свежие» нервы, еще сохранившиеся у некоторых обывателей Советского Союза; у большинства же из них ежедневные порции ужасов настолько притупили их, что его рассказ мог произвести впечатление лишь детского страха.

В Екатеринодаре (Краснодаре), на берегу Кубани, недалеко от тюрьмы строилось здание мясокомбината. Песок доставлялся с берега Кубани. Рабочие заявили инженеру, что им трудно рыть песок, так как в нем имеется масса человеческих костей и остатки одежды.

Осмотренная инженером К. уже разрытая площадка в несколько квадратных саженей действительно была густо покрыта костями.

Пытаясь найти место с незасоренным таким образом песком, он распорядился прорыть пробные канавки в разных направлениях, и повсюду в них, на расстоянии 30—40 саженей, оказались кости. Он предусмотрительно приказал зарыть все уже разрытое и добычу песка произвести в другом месте.

Я ничего не сказал инженеру по этому поводу и не перевел разговор на другую тему, так как знал, что там, в песке, были кости и его отца.

Что же это было за кладбище?

В начале августа 1920 года, в станице Приморско-Ахтарской, на берегу Азовского моря, высадился десант под командованием генерала Улагая. Высадка эта произвела в Екатеринодаре неописуемую панику, как будто бы десант находился в непосредственной близости от города. По улицам мчались на вокзал, с бледными, растерянными лицами коммунисты и их семьи, красногвардейцы, вывозились спешно дела «исполкомов» и других учреждений.

В ночь с 5 на 6 августа произошло событие, возможное только в СССР, где нормальное мышление находится под пятой психически неуравновешенного садиста-палача или теоретика марксизма в советском толковании.

6000 человек, переполнявшие екатеринодарскую тюрьму, выводились по сотне на берег Кубани и там расстреливались из пулеметов. К 4 часам утра 6 августа все было закончено и палачи поторопились на последний поезд, уходящий на Тихорецкую.

Спаслось лишь несколько человек — казаков. Раненые, они все же переплыли Кубань и впоследствии рассказали детали этого расстрела.

Из кого же состояла эта шеститысячная масса расстрелянных?

Как известно, уголовный элемент, по занятии Екатеринода-

ра красными войсками в марте 1920 года, оказался весь на свободе. Он быстро сориентировался в новой обстановке и принял энергичное участие, уже с партийными билетами, в ликвидации буржуазии, т. е. в убийствах и ограблениях.

Тюрьма была заполнена екатеринодарскими торговцами, инженерами, учителями, адвокатами, просто людьми «с галстуками», атаманами станиц, рядовыми казаками и др.

Не было в тюрьме лишь офицеров, захваченных в Сочи и других местах: они «ликвидировались» в подвалах Чека. (Это учреждение сперва разместилось в гостинице Губкина на Соборной площади, затем с расширением «деятельности» заняло Третью гимназию, подвалы магазинов Арзуманова, дом Богарсукова на Соборной площади. Впоследствии оно прочно обосновалось в гостинице на углу Екатерининской и Бурсаковской улиц, а в 33-м году заняло здание Окружного суда).

Как известно, десант Улагая не был удачным. После его ликвидации в Екатеринодар приехал Троцкий. На площади Войсковой больницы был собран многочисленный митинг. В своей речи Троцкий обрушился на Кубанское казачество, обещая «перебить ему хребет». С тех пор началось систематическое истребление казачества — массовыми высылками на Дальний Север, расстрелами, искусственными голодовками и пр.

Через 20 лет это привело к 5-процентному остатку казачества на Кубани.

Описывая расстрел 6000 екатеринодарцев, необходимо указать на закрытый способ казней в СССР, введенный вскорости по окончании Гражданской войны.

В Екатеринодаре, в марте 1920 года, был единственный публичный расстрел «злостных контрреволюционеров», широко афишированный в городе плакатами. Это была казнь трех «военных», в числе которых значился ген. Асьер, остальные два мне неизвестные лица.

Казнь состоялась за кладбищем, близ «Свинячего» хутора и, кроме хулиганов-мальчишек, никого не привлекла.

Говорили также о публичном расстреле атамана станицы Пластуновской с гражданским инженером Турищевым, известным строителем на Кубани церквей, школьных зданий и т. п., за организацию «заговора» против советской власти, но этого я не мог проверить. Самой же вдове Турищева место казни не было известно.

В. НАУМЕНКО. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ЮГЕ КУБАНИ ЛЕТОМ 1920 ГОДА И КУБАНСКИЙ ДЕСАНТ

В связи с вышеприведенной статьей о трагедии на Кубани, вызванной высадкой там войск десанта, в целях объяснения общей обстановки приводятся краткие сведения о боевых действиях летом 1920 года в предгорьях и на полях Кубани.

Тема эта обширна и нуждается в детальном освещении, что будет сделано при первой к тому возможности. Здесь же обстановка излагается в весьма сжатом виде — в общих штрихах.

После окончания борьбы, в апреле 1920 года, на Северном Кавказе, и уходе войск Деникина в Крым, в предгорьях Кавказского хребта, в Кубанской области стали собираться казаки, не желавшие мириться с советским режимом и продолжавшие борьбу.

На всем пространстве от подножия Эльбруса и до окрестностей Туапсе стали собираться отряды казаков разной численности, сначала не связанные между собою, а потом постепенно объединившиеся под командою генералов Крыжановского и Фостикова. 20 августа 1920 года с подчинением генерала Крыжановского Фостикову последний объединил руководство действиями всех отрядов, наполнявших южную Кубань.

Действия этих повстанческих отрядов первоначально развивались удачно, но вскоре почувствовался недостаток вооружения, снабжения и командного состава. Генерал Фостиков донес об этом в Крым ген. Врангелю и просил поддержки. Донесение его пришло с большим запозданием.

В это время операции Русской армии Врангеля в Таврии развивались успешно, но пополнение войск его шло слабо и ощущались затруднения в вопросе продовольствия. По-видимому, это обстоятельство, а также донесение Фостикова побудили генерала Врангеля организовать десант на Кубань.

Начальником десанта был назначен генерал Улагай, его начальником штаба — генерал Драценко, а в войска десанта включены: 1-я Кубанская дивизия под командою генерала Бабиева, части 2-й Кубанской дивизии генерала Шифнер-Маркевича и 1-я Сводная пехотная дивизия генерала Казановича. Боевой состав армии Улагая доходил до 5000 человек, из коих 1000 — конных, при 26 орудиях и 131 пулемете. Всего же в десанте на Кубань прибыло до 16000 человек и до 4500 лошадей.

Силы противника на всем пространстве от Новороссийска до Ейска исчислялись в две с половиною дивизии пехоты и одну дивизию конницы.

Участники десанта предполагали, что высадка состоится в одном из портов Черного моря, ближайших к району действий повстанцев Фостикова. Но уже при движении судов выяснилось, что десант направляется в Азовское море. В течение 1—3 августа произошла высадка в станице Приморско-Ахтарской, удаленной от района действий закубанских повстанцев примерно на 160 верст.

Еще до высадки ген. Улагай объявил собранному им командному составу предстоящую задачу, первым этапом коей было освобождение от большевиков правобережной Кубани. Вероятно, этим и надо объяснить отправку с десантом больших запасов снабжения и большого количества лиц, предназначенных для занятия разных должностей на освобожденной от большевиков территории.

Наступление войск ген. Улагая началось только 4-го августа и первые дни развивалось удачно, но вскоре вследствие трений между командующим десантом и его начальником штаба и по некоторым другим причинам, командование упустило из своих рук управление войсками.

В центре, в направлении на станицу Тимашевскую, наступал генерал Казанович, который на второй день занял ее.

Генерал Бабиев, действовавший севернее его, вихрем носился в районе станиц Роговская — Бриньковская и наносил молниеносные удары подходившим частям красных. Он взял много пленных, которых направлял в тыл, и захватил много оружия, которое бросил на полях боев. Сбор его организован не был.

Генерал Шифнер-Маркевич со своими слабыми частями занял станицу Поповическую и мобилизовал несколько сот казаков, но их вооружить ему было нечем, потому что столкновений с противником почти не имел, а из тыла оно ему доставлено не было.

Между тем, наш флот, выгрузив войска и склады в Приморско-Ахтарской, ушел в Крым, оставив море без наблюдения. Этим воспользовались большевики. Их импровизированный «военный» флот подошел к станице и обстрелял ее.

Ген. Улагай после этого оставил ее (станцию Приморско-Ахтарскую) и перенес тыл на станицу Гривенскую (Ново-Нижестеблиевскую), лежащую на р. Протоке.

Не имея связи с командующим десантом, ген. Казанович решил оторваться от базы и быстро двигаться на Екатеринодар, к этому склонялся и ген. Бабиев, но ген. Шифнер-Маркевич колебался.

Весьма вероятно, что этот план и был бы приведен в исполнение, но ген. Бабиев, увлеченный боями со все подходившими новыми силами красных, задержался в районе Бриньковская — Роговская, а тем временем большевики, первое время ошелом-

ленные, сделали перегруппировку своих войск и начали планомерное наступление.

День 9-го августа 1920 года надо считать днем перелома в пользу большевиков. Казанович вынужден был оставить Тимашевскую. Начал отход и Шифнер-Маркевич.

Тогда командующий войсками десанта решил переброситься на Таманский полуостров, для чего было приступлено к устройству переправы через р. Протоку в районе станицы Петровской, а сама эта станица была занята небольшим отрядом, высланным через стан. Черноерковскую. Но удержана нами была она только один день.

Плану ген. Улагая не суждено было сбыться в виду напора противника с фронта и появления небольшого десанта некоего Ковтюха со стороны станицы Славянской по р. Протоке. Десант этот не нанес ущерба войскам Улагая, но внес известный переполох и тем ускорил отход войск Улагая к Ачуеву, куда им были вызваны суда из Крыма.

Несмотря на значительные силы, подтянутые большевиками, они действовали крайне нерешительно, весьма вяло преследовали и дали возможность войскам грузиться беспрепятственно на суда в течение 8 дней.

Были погружены на суда все войска, казаки и казачки, ушедшие из станиц, занимавшихся десантом, с их лошадьми и всем имуществом. На берегу были брошены лишь повозки, на которых ехали новые беженцы, и часть лошадей, которые не могли поместиться на судах.

Впоследствии большевики сообщали о больших трофеях, захваченных ими на месте погрузки десанта. Это неправда, как неправдою были и сведения одного из советских военных корреспондентов, пытавшегося раздуть незначительный успех десанта Ковтюха в героическое дело. Никаких тысяч пленных Ковтюхом захвачено не было. Кроме складов, брошенных в Приморско-Ахтарской, в руки красных не попали никакие трофеи. Даже большой броневой автомобиль, захваченный в одном из боев с красными, был погружен и увезен в Крым.

Таким образом, Кубанский десант, долженствовавший поддержать казаков, действовавших в предгорьях Кавказского хребта, окончился неудачею. Не имея поддержки, они с середины августа 1920 года начали отход, а когда большевики покончили с десантом Улагая, то перебросили освободившиеся силы против ген. Фостикова и заставили его уйти на Черноморское побережье, а оттуда — в Крым.

Помимо десанта ген. Улагая, были высажены еще два больших десанта: генерала Черепова у города Анапы и генерала Партизанова на Тамани, но из-за своей малочисленности они не могли повлиять на ход всей операции.

Таким образом, попытка Главного командования Русской армии из Крыма поддержать казаков, боровшихся летом 1920 года на Кубани, из-за ряда ошибок окончилась неудачей. Как весьма ощутимое последствие ее были кровавые события на Кубани, описанные автором статьи «6 августа 1920 года в Екатеринодаре».

Библиография

1. Генерал барон *П. Н. Врангель*, «Воспоминания», изд. «Посев», Франкфурт-на-Майне, Германия, 1969, с. 137—138.

2. Дневниковые записи сотника Кубанского казачьего войска *Б. М. Дули*. Рукопись. Хранится в фонде сотника *Б. М. Дули* в архивном отделе при музее русской культуры в г. Сан-Франциско, штат Калифорния, США.

3. *Д. Степанченко*, «Дневник участника улагаевского десанта». Газета «Русская жизнь», с. 5, 7; 18 сентября 1999; г. Сан-Франциско, штат Калифорния, США.

4. *Б. Пылин*, «Гибель гренадерского батальона. 2 августа». Из книги воспоминаний «Первые четырнадцать лет». Ежемесячный журнал «Первопоходник» общества ветеранов Первого Кубанского генерала Корнилова похода; № 21, октябрь 1974; г. Лос-Анджелес, штат Калифорния, США.

5. *М. А. Россицкий*, «Пятнадцать дней в Кубанском десанте. Август 1920». Рукопись дневника. Оригинал хранится в личном фонде составителя сборника. Копии переданы в Краснодарский краевой архив и Краснодарский краеведческий музей.

6. *А. Судоплатов*, «Линия связи на поле боя». Из дневника телефониста. Ежемесячный журнал «Первопоходник» общества ветеранов Первого Кубанского генерала Корнилова похода; № 21, октябрь 1974; г. Лос-Анджелес, штат Калифорния, США.

7. Шестого августа 1920 года в Екатеринодаре. Статья и заметка за подписью «Г». «Казак», информационный листок Кубанской канцелярии; № 8, 15 марта 1949. Место выпуска: лагерь Мемминген, Земля Бавария, Германия.

8. *В. Науменко*, «Боевые действия на юге Кубани летом 1920 года и Кубанский десант». «Казак», информационный листок Кубанской канцелярии; № 8, 15 марта 1949. Место выпуска: лагерь Мемминген, Земля Бавария, Германия.

Оглавление

Как создавался сборник. <i>Д. Степанченко</i>	3
НА КУБАНЬ. Из книги «Воспоминания» ген. барона <i>П. Н. Врангеля</i>	5
ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ СОТНИКА КУБАН- СКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА <i>Б. М. ДУЛИ</i>	7
<i>Б. Пылин</i> . ГИБЕЛЬ ГРЕНАДЕРСКОГО БАТАЛЬОНА. 2 АВГУСТА. Из книги воспоминаний «Первые четыр- надцать лет»	9
<i>М. А. Россинский</i> . ПЯТНАДЦАТЬ ДНЕЙ В КУБАН- СКОМ ДЕСАНТЕ, АВГУСТ 1920. Дневник пулеметчика	12
ЛИНИЯ СВЯЗИ НА ПОЛЕ БОЯ. Из дневника телефо- ниста <i>А. Судоплатова</i>	37
ОТЦОВСКАЯ ХАТА. Стихотворение <i>Николая Кудашева</i>	55
6 АВГУСТА 1920 ГОДА В ЕКАТЕРИНОДАРЕ	55
<i>В. Науменко</i> . БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ЮГЕ КУБА- НИ ЛЕТОМ 1920 ГОДА И КУБАНСКИЙ ДЕСАНТ	58
БИБЛИОГРАФИЯ	62

БЕЛЫЙ ДЕСАНТ НА КУБАНИ

август 1920

Сборник

Технический редактор *В. В. Иванова*

Корректор *В. А. Рубцова*

ЛР № 010194 выдана 22.05.97.

Сдано в набор 9.06.2000. Подписано к печати 19.06.2000 г. Формат бумаги 84x108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура шрифта «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Учетно-изд. л. 3,02. Тираж 500 экз. Заказ 105. «С» – 401.

Гигиеническое заключение № 24.КК.02953.П.0319109.99 от 15.09.99.

Отпечатано на государственном унитарном предприятии
«Издательство «Сов. Кубань»
350000, г. Краснодар, ул. Раппиловская, 106.



Ординарец А. Пушкарёв
со значком Алексеевского
полка.

*Рисунок с натуры
А. Судоплатова.*